

Татьяна Полякова

4 ЛЮБОВНИКА И ПОДРУГА

Криминальный роман:
любовь и преступление

Татьяна Викторовна Полякова

4 любовника и подруга

Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177714
4 любовника и подруга: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33506-0*

Аннотация

«Здесь находится человек, задумавший убийство!» – загробным голосом произнесла предсказательница Эсмеральда. А через час мы с подружкой Сонькой наткнулись на ее труп. Вот так «весело» начался вечер, полностью изменивший мою жизнь. В тот же день я познакомилась с двумя потрясающими мужчинами. Правда, «потрясали» они по-разному. Один оказался мерзавцем. Во второго я влюбилась. А наутро обнаружила в багажнике машины труп неизвестного. Кто-то жестоко пытал этого человека. Меня же мучила мысль: как он попал в мой багажник? И что мне теперь делать?..

Татьяна Полякова

4 любовника и подруга

*Смелая, как нож,
А ноги в танго.
Где моя любовь
Второго ранга.
Слова из песни «Ненавижу!» Глюк'оза*

– Сейчас ее выход, – сказала Сонька и взглянула на меня со значением, я пожала плечами и развернулась к сцене, устраиваясь с комфортом. Дело непростое: стулья в заведении были громоздкие и крайне неудобные: низкая спинка и огромные подлокотники, должно быть изобретенные с умыслом, чтобы посетители подолгу не засиживались.

Сказать откровенно, ресторан «Клеопатра» я терпеть не могла, хотя последнее время он пользуется в городе популярностью. Вот и сегодня, несмотря на более чем нескромные цены, которые я увидела в меню, почти все столики в зале были заняты, а на тех, что еще свободны, красовались бронзовые таблички с надписью «Стол заказан».

Меня раздражало здесь все: и цены, и названия блюд, претенциозные и попросту глупые, полумрак в зале, тяжелая мебель и стены с позолотой. А больше всего раздражала Сонька, которая меня сюда затащила.

С Сонькой мы дружим с детства, ее отличительные черты

– любопытство и крайняя доверчивость. Все новое вызывает у нее бурный восторг, который ей непременно хочется с кем-нибудь разделить. В «Клеопатру» она попала месяц назад, и с тех пор дня не проходило, чтобы она не вспоминала о совершенно невероятных способностях девицы, которая выступала здесь с номером «чтение мыслей на расстоянии, предсказания и прочее». Сонька утверждала, что девица буквально творит чудеса, ввергая одних посетителей в легкий шок, а других в буйный восторг. Судя по количеству граждан, не одна Сонька впечатлилась талантами прорицательницы, половина присутствующих явилась сюда не за тем, чтобы поужинать, они жаждали зрелищ и теперь, как и я, устраивались поудобнее, развернувшись к сцене. Впрочем, большая часть присутствующих – представительницы прекрасного пола, а женщины, как известно, любопытны.

Я считала чтение мыслей ловким фокусом и идти сюда не спешила, но Соньке в конце концов удалось меня уговорить, и сейчас я заранее готовила пространную речь, чтобы по возможности вразумить дуреху, хотя и сомневалась, что мои слова на нее подействуют. Явились мы в ресторан вдвоем, и мужская компания за соседним столиком уже минут пятнадцать проявляла к нам повышенный интерес, один тип с плоской физиономией даже успел мне подмигнуть, продемонстрировав в улыбке золотые коронки, чем сразу же завоевал мою симпатию. В ответ я свела глаза у переносицы и высунула язык. Подействовало, но ненадолго. Нахмурившись

поначалу, плосколицый через пять минут опять сверлил меня взглядом. Правда, сейчас он тоже развернулся к сцене, за что девице, выступавшей под звучным именем Эсмеральда, следовало сказать спасибо.

– Итак, дамы и господа, встречайте: прекрасная Эсмеральда.

Раздались аплодисменты, мужчина во фраке, только что произнесший эти слова, указал рукой на занавес из красного с золотом бархата, но прекрасная Эсмеральда не появилась.

Поскучав немного с протянутой рукой, тип во фраке застенчиво улыбнулся и мелкими шажками направился за кулисы, откуда снова возник через полминуты.

– Прошу прощения, господа, Эсмеральда еще не готова предстать перед вами. Сегодня не совсем удачное расположение звезд... но, несмотря на это, мы увидим ее выступление буквально через пятнадцать минут. А пока наши прелестные девушки не дадут вам скучать.

Грянула музыка, и на сцену выскочили девчонки в минимуме одежды, который с лихвой компенсировали длинные заячьи уши, падавшие девицам на плечи. На трусиках с блестками красовались хвосты из белого меха, хотя уши были розовые.

Девицы взвизгнули и поскакали по сцене, время от времени взбрыкивая, мужчины взирали на это благосклонно, женщины – с недоумением.

– Ужас какой-то, – пробормотала Сонька, косясь на меня.

– Брось, девчонки стараются. Для такого заведения этот номер в самый раз.

– В «Карусели» кордебалет классный, а здесь полное дерьмо, – поерзав, сказала Сонька, словно извиняясь. Она обещала мне незабываемый вечер и теперь чувствовала себя виноватой.

– А мне нравится, – сказала я, желая ее подбодрить.

– Правда?

– Ага.

Сонька улыбнулась и перевела взгляд на сцену.

– Привет! – гаркнули у меня над ухом, я повернулась и увидела парня лет двадцати семи. Среднего роста, очень худой, он напоминал фигурой подростка, у него были русые волосы до плеч и аккуратная бородка. «Художник», – бог знает почему решила я, впоследствии оказалось, что так оно и есть, в общем, провидческий дар был не только у Эсмеральды.

Сонька тоже повернулась и, увидев парня, потянулась к нему с поцелуем, вполне невинным, кстати, из чего я заключила: он, скорее всего, просто ее приятель. Вот тут провидческий дар меня подвел: оказалось, не просто.

– Юрик, – мяукнула Софья. – Вот так сюрприз. Ты ж дорогие кабаки терпеть не можешь.

– Принципы приходится пересматривать, – пожал он плечами.

Сонька повернулась ко мне:

– Это мой брат, двоюродный, зовут Юрой. Он практически гений и борец за социальную справедливость. Но до его картин публика еще не доросла, оттого трудится он в рекламной фирме, вывески там малюет.

– Спасибо, сестренка, – раздвинув рот до ушей, сказал Юра, поглядывая на меня с любопытством.

– А это Аня, моя подруга, я тебе про нее рассказывала.

– Ага, – хмыкнул он.

– Так что ты здесь забыл, друг мирового пролетариата? – с усмешкой спросила Сонька.

– Заглянул посмотреть, как буржуи деньги просаживают, – хмыкнул он.

– Тогда садись с нами.

– Я на пять минут. На самом деле здесь моя любимая девушка работает.

– Зайцем скачет?

– Не-а. Мысли читает.

– Эсмеральда? – Сонька вытаращила глаза.

– Эсмеральда, – фыркнул Юрик. – Вообще-то ее Ирккой зовут. Кстати, мысли она и вправду читает, мои-то уж точно.

– Познакомишь нас? – заволновалась подруга.

– Только не сегодня. Меня ребята в машине ждут. Заскочил занять у подружки деньжат. Ты, кстати, деньгами не богата?

– С ума я сошла, что ли, тебе в долг давать? – хмыкнула Сонька. – Я хрупкая девушка, сама зарабатываю себе на

жизнь.

– Ты зануда, – засмеялся Юрик, кивнул нам на прощание и направился к коридору, который вел за кулисы.

– Лоботряс, – пожала плечами Сонька.

– Я и не знала, что у тебя есть двоюродный брат, – заметила я.

– Его отец – брат моего папаши, предки Юркины развелись, так что мы встречались не очень часто, хотя последнее время почти дружим. Он вообще-то неплохой парень, правда, картины у него скверные, ни фига не поймешь. Я приставать стала, что там к чему, а он отвечает: «Это мои впечатления». По-моему, он сам толком не знает, что пишет. Нет бы пейзажи рисовать, речка там, лес... тут хоть видно: хорошо нарисовано или плохо. А Юрка намалюет кругов да квадратов, вот и думай, дурака он валяет или правда гений. Чувствуешь себя идиоткой, ей-богу. Ты куда? – встрепенулась Сонька, заметив, что я поднимаюсь.

– В туалет, – ответила я и направилась в тот самый коридор, где недавно скрылся Юра.

Двигалась я не торопясь, жалея, что поддалась на уговоры подружки и пришла сюда. Отец обещал вернуться с работы пораньше, могли бы сейчас пить чай на веранде и любоваться звездами, это куда приятнее, чем сидеть здесь с неясной целью. Я поравнялась с чуть приоткрытой дверью без таблички и услышала женский голос:

– На твоём месте я бы не стала терять времени.

– Чего ты хочешь? – грубо осведомился мужчина.

Говоривших я не видела, зато слышала довольно хорошо.

– Того же, что и ты, дорогой. Решить проблему раз и навсегда.

Тут скрипнула соседняя дверь, и в коридоре появился мужчина, голоса рядом мгновенно стихли, а я прибавила шаг, заметив на лице незнакомца, шедшего мне навстречу, ту самую ухмылку, за которой, как правило, следует предложение познакомиться. В общем, я юркнула в дамскую комнату и в ожидании, когда освободится единственная кабинка, принялась разглядывать себя в зеркале. Из кабинки появилась девушка, окинула меня неприязненным взглядом и стала мыть руки, а я попыталась отгадать, чем ей не угодила. Выходя из туалета, я едва не столкнулась с высокой женщиной в вечернем платье. Ее длинные темные волосы были собраны в замысловатую прическу, женщина оказалась очень красивой, но красота ее настораживала. Женщины с таким взглядом на счет «один» разбивают мужские сердца, на счет «два» – превращают сильный пол в домашних собачек с тапками в зубах, а на счет «три» – выбрасывают их из своей жизни пинком под зад. В общем, выглядела она заправской стервой неопределенного возраста и с шальными деньгами. Я чуть притормозила, пропуская ее, дама взглянула на меня без интереса и вдруг нахмурилась, а я вздохнула: сегодня не мой день. Отведя взгляд, я поспешила дальше, но обернулась и убедилась, что женщина все еще стоит в дверях, на-

блюдая за мной. Она криво усмехнулась и наконец-то исчезла за дверью, а я вернулась в зал, где Сонька лениво жевала, с тоской поглядывая на сцену. Длинноухих зайцев сменили девушки в мужских рубашках, перетянутых широким ремнем, и в шляпах. Танцевали они, кстати, очень неплохо и были приняты публикой на «ура». Я как раз устраивалась на своем стуле, когда в зале появились новые посетители. Впереди шла девушка с ярко-рыжими волосами, мужчина, шедший чуть сзади нее, повернулся, и я досадливо чертыхнулась. Видеть его здесь, впрочем, как и в любом другом месте, в мои планы не входило. Видимо, прочитать мои мысли Соньке труда не составило. Проследив мой взгляд, она шепнула:

– Илья с новой подружкой. Говорят, он их меняет чаще, чем носки. Слушай, вы так и не помирились? – перегнувшись ко мне, спросила Сонька, хотя могла бы сообразить, что данная тема у меня отклика не найдет.

– Мы с ним не ругались, – отрезала я.

– Чего ты тогда на него взъелась?

– Есть причина.

– Глупость это, а не причина.

– Ты не могла бы заткнуться? – вежливо осведомилась я.

Сонька вновь перешла на шепот:

– Ой, он сюда идет.

Так и есть, Илья неторопливо приближался к нам, устроив свою девушку за столиком неподалеку. Я помнила его ве-

сelyм, озорным мальчишкой, с которым запросто пошла бы в разведку, настолько была уверена в его дружбе, правда, несколько лет назад свои взгляды мне пришлось пересмотреть. В юности он слыл шпаной, хотя особых грехов за ним не водилось, так, всякие глупости: то подерется с кем-нибудь за правое дело, то на спор пройдет по карнизу, к возмущению старушек и недовольству участкового. Когда-то меня его бесшабашность восхищала, а упрямство, с которым он отстаивал собственное мнение, вызывало уважение. Теперь ни от того, ни от другого следа не осталось.

– Добрый вечер, – произнес он со слегка заискивающей интонацией, косясь на меня. Я отвернулась, а Сонька запела:

– Привет, Илья. Решил отдохнуть?

– Да. Говорят, здесь какая-то ясновидящая... – Он вновь перевел взгляд на меня. – Любопытно посмотреть...

– Нам тоже, – кивнула Сонька. – Но сегодня звезды не на месте, и ее выход задерживается. Мы уже ждать замучились.

Илья кивнул и вдруг спросил:

– Как твои дела, Аня?

– Катись, – не поворачивая головы, ответила я. Сонька замерла, жалобно глядя на Илью, тот опустил голову, вроде бы размышляя.

– Аня, я... – начал он со вздохом, а я повторила:

– Катись.

Он развернулся и отправился восвояси.

– Ты чего, с ума сошла? – заныла Сонька. – Человек подо-

шел поздороваться. В конце концов... слушай, ты мне скажешь, что у вас произошло?

– Нет.

– Почему? – растерялась она.

– Потому что тебя это не касается.

– Ну и характер, – покачала она головой. – Как только я тебя терплю. Илья хороший парень, ты сама не раз говорила...

– Заткнись.

– Свинья, – обиделась Сонька, но тут на сцене появился тип во фраке и вторично объявил:

– А сейчас, дамы и господа, великолепная Эсмеральда.

Ожидая подвоха, публика не торопилась аплодировать. Занавес раздвинулся, и на сцену вышла женщина в золотой тунике. Иссиня-черные волосы падали на плечи, на голове был обруч в виде двух переплетенных змей, в руках что-то вроде скипетра со стеклянным набалдашником. Женщине было лет тридцать, хотя она могла быть и моложе, возраста ей прибавлял грим. Подведенные черным глаза, маленький рот с яркой помадой. Слой пудры не мог скрыть бледности лица. Девушка казалась хрупкой и даже болезненной и совсем не соответствовала моим представлениям о ясновидящей. Я-то ожидала увидеть уверенную в себе особу, вроде той, с которой столкнулась возле туалета. Признаться, при взгляде на ту роковую красотку у меня мелькнула мысль, что она, возможно, и есть Эсмеральда. А та, что сейчас стояла на

сцене, выглядела беззащитной девочкой, которую зачем-то нарядили в яркие тряпки. Тут она заговорила, и в зале стало тихо. Меня поразил ее голос, низкий, грудной, он совсем не подходил ей, казалось, женщина на сцене послушно открывает рот, а говорит за нее кто-то другой. Это выглядело странно и почему-то беспокоило.

Говорила она о неблагоприятном расположении звезд и прочую чушь в том же духе, все это отдавало дешевым фарсом. Я не особенно вслушивалась, сидела и хмурилась, пока Эсмеральда не задала вопрос: есть ли в зале добровольцы? Сонька, конечно, тут же подняла руку, но ее опередила девушка за соседним столиком. Эсмеральда посмотрела на нее, кивнула и заговорила:

– Вы рассчитываете сегодня услышать признание от молодого человека, который сидит справа от вас.

Заинтересованная публика вытянула шеи, девушка покраснела, молодой человек справа от нее смутился и отвел взгляд, а две девушки и парень, что сидели с ними за одним столом, захихикали. Тут пришла Сонькина очередь. Взглянув на нее, Эсмеральда произнесла:

– Вы рассчитываете, что ваша подруга наконец согласится с тем, что она видит вовсе не дешевый фокус.

Эсмеральда повторила то, о чем я за мгновение до того подумала, это вызвало у меня странное чувство. Сонька посмотрела на меня с таким видом, словно выиграла спор, а Эсмеральда между тем продолжала:

– Ваша подруга теряется в догадках, как оценить происходящее. Она не хочет верить и сомневается.

И тут поднял руку Илья, что меня, признаться, удивило. Эсмеральда перевела на него взгляд и едва заметно вздохнула:

– Вы думаете о женщине, которая сидит здесь, в зале. Сожалеете о своем поступке и хотите получить прощение, загладить свою вину. Вы любите эту женщину и боитесь, что она никогда вас не простит.

Я с усмешкой взглянула на друга детства и убедилась, что слова Эсмеральды он воспринял абсолютно спокойно, как будто именно их и ждал. Кивнул, словно соглашаясь, по залу прошел легкий шепоток, публика была возбуждена, а я стиснула зубы, теперь абсолютно уверенная, что это дешевый фокус.

– Ты говорила ему, что мы сюда придем? – хмуро спросила я Соньку.

– Кому?

– Илье, естественно.

– Да я его сто лет не видела. Постой, ты что, хочешь сказать... – договорить Сонька не успела, Эсмеральда вдруг сделала шаг назад, прикрыв глаза ладонью, казалось, она вот-вот рухнет в обморок, и я подумала, что девушка, должно быть, действительно нездорова и ее бледность следствие плохого самочувствия. На ногах она устояла и произнесла:

– Здесь находится человек, задумавший убийство. Я слы-

шу его мысли.

Она сделала еще шаг, пошатнулась и непременно бы упала, не успей тип во фраке подхватить ее. Он увел прорицательницу со сцены под ледяное молчание зала. Народ переглядывался в недоумении, потом на лицах появились ухмылки и послышалось робкое хихиканье. Тут грянула музыка, и на сцену высыпали полуголые девицы.

– Ничего себе, – залепетала Сонька, наклоняясь ко мне. – Ты слышала?

– Разумеется, слышала, ведь говорила она довольно громко.

– И что ты думаешь?

– Эффектно, ничего не скажешь. Она прочитала мысли потенциального убийцы и удалилась. А нам теперь гадай, кто из присутствующих задумал злодейство.

– По-твоему, это неправда?

– По-моему, девушке стоило бы в милиции работать, раскрываемость повышать.

– Я серьезно, – обиделась Сонька.

– Я тоже.

– Но ведь она сказала правду...

– Какую правду? Девчонка за соседним столом весь вечер держит своего парня за руку, отгадать ее мысли проще простого. У тебя физиономия восторженной дуры, а моя хмурая, и взгляд недоверчивый. Так что с нами тоже проблем не возникло.

– А Илья?

– Что Илья?

– Ты же слышала, она прочитала его мысли.

– Я не знаю мыслей Ильи, но если ты думаешь...

– Я думаю, а ты нет? – усмехнулась Сонька. – Да ты сама в этом уверена. Но из-за своего упрямства не хочешь признать, что она их вправду прочитала. Вместо этого ты решила, что они с Ильей договорились.

– Возможно, – не стала я спорить. – Хотя Илья, по моему мнению, не такой дурак, чтобы устраивать балаган. А его любовь ко мне не выдерживает критики. Мы и раньше были просто друзьями, и сейчас влюбляться ему в меня и вовсе глупо. Но я скорее поверю, что он спятил и разыграл спектакль, чем соглашусь...

– Вот-вот, – фыркнула Сонька. – Если ты что-то вбила себе в голову, тебя не переубедить.

– Хорошо, девица читает мысли, Илья не устраивал спектакль, а все, что сказала Эсмеральда, относится вовсе не ко мне, а к его спутнице. Довольна?

– Иди ты к черту, – обиделась Сонька.

На сцене девицы из кордебалета сменяли друг друга, я начала откровенно скучать. Сонька лезла с разговорами, но я их игнорировала. Присутствие в зале Ильи действовало мне на нервы. Я пересела так, чтобы не видеть его физиономии, но легче от этого не стало. Я чувствовала его взгляд и, поворачиваясь время от времени, видела, как он поспешно его

отводит. Эта игра в прятки выглядела по-дурацки, я выдержала еще минут сорок, после чего сказала Соньке:

– Ты как хочешь, а я отправляюсь домой.

– О господи, – закатила она глаза. – В кои-то веки выбрались в ресторан...

– Оставайся, если хочешь.

– Одна? Спасибо большое. Ладно, идем. Но тогда платишь ты.

Я засмеялась, кивнула официанту, который поспешно приблизился, расплатилась, и мы направились к выходу. Сонька продолжала ворчать, косясь на меня.

– Если тебе здесь не нравится, поехали в ночной клуб, – внесла она предложение. – Время детское, и мне совершенно нечего дома делать. Тебе, кстати, тоже.

– Меня отец ждет.

Сонька фыркнула и отвернулась. К этому моменту мы оказались на стоянке, той, что сбоку от ресторана. Напротив был жилой дом, трехэтажный, с единственным подъездом, дальше начинался небольшой сквер, который сейчас тонул в темноте. Стоянка была неохраняемая, и моя машина находилась почти в самом ее конце, ближе к скверу.

– Давай хоть прогуляемся, что ли, – ворчливо сказала Сонька.

– В сквере будем прогуливаться? – съязвила я.

– В сквере, пожалуй, не стоит. Прощвырнемся до универмага и обратно, подышим свежим воздухом.

Я вздохнула, придется прогуливаться, раз уж я умудрилась испортить Соньке вечер.

— Ладно, пошли, — кивнула я, мы повернули назад с намерением обогнуть здание ресторана и выйти на освещенную улицу, но тут открылась дверь служебного входа, и появились двое охранников, видно, решили покурить. Проводили нас взглядами, о чем-то негромко разговаривая.

— Это Иркина машина? — донеслись до меня слова одного из них.

— Ну...

— Она же вроде минут десять как вышла.

— И что?

— Чудно, — пожал плечами парень. — В тачке ее нет. Куда она делась?

— Может, прогуляться решила? Она жаловалась, что плохо себя чувствует.

— Подожди, я все-таки взгляну.

Парень направился по узкому тротуару в нашу сторону, до угла дома оставалось совсем ничего. Я забыла об охранниках сразу, как только они замолчали, но Сонька остановилась и схватила меня за руку.

— В самом деле странно.

— О чем ты? — удивилась я.

Сонька не ответила, замерла на месте, вытянув шею, и наблюдала за охранником. Тот как раз достиг второго ряда машин, оказался по соседству с серебристой «Хондой» и то-

ненько взвизгнул. Звук этот мало соответствовал его габаритам, я нахмурилась, пытаюсь понять, что происходит, а Сонька вытянула шею еще больше.

– Черт, – выругался парень, наклоняясь и что-то рассматривая у себя под ногами. – Вот черт... Вовка, вызывай «Скорую».

– Чего? – переспросил тот.

– «Скорую» вызывай! – рявкнул охранник. – И ментов. Ну, надо же...

Сонька между тем, все еще держа меня за руку, бросилась к парню, и мне пришлось последовать за ней. Мы протиснулись между двух машин и оказались рядом с серебристой «Хондой». Привалившись спиной к ее крылу, на асфальте сидела женщина в белом костюме, светлые волосы разметались по плечам. На лбу ссадина от удара, левая щека в крови. Глаза закрыты, женщина, судя по всему, была без сознания. В первое мгновение без парика и грима Эсмеральду я не узнала.

– Что с ней? – пробормотала Сонька, охранник повернулся к нам, посмотрел хмуро. – Она что, упала? – не унималась подруга.

Второй охранник между тем скрылся в здании, но через пару минут вновь выскочил на улицу.

– Они спрашивают, что случилось.

– Откуда мне знать? – крикнул ему тот, что был рядом с нами. – Что случилось... труп у нас, вот что.

– Труп? – ахнула Сонька. – Ее что, убили?
– Топайте отсюда, – отмахнулся парень. Вытер потный лоб и, словно жалуясь кому-то, пробормотал: – Ну, надо же...
– Это Эсмеральда? – все-таки спросила я.
– Она самая, – кивнул он.

Милиция приехала минут через пятнадцать. Все это время мы с Сонькой находились возле служебного входа, не зная, можно ли нам уехать или необходимо дожидаться милиции. Эсмеральду обнаружил охранник, но, может, и с нами захотят поговорить.

К моменту появления милиции из ресторана вышли еще двое мужчин, судя по костюмам и карточкам на груди, кто-то из менеджеров, оба нервно переговаривались, предпочитая держаться подальше от трупа. Один то и дело повторял:

– Кошмар...

Второй был более деятельным.

– Лишь бы никто из клиентов сейчас не появился, – сказал он и посмотрел на нас с большим неудовольствием. – Когда, черт возьми, здесь будет освещение?

– Так ведь... – начал его спутник, тоже покосился на нас и замолчал.

– Вы можете ехать, – вдруг обратился к нам первый. – Вы ведь ничего не видели?

– Не видели, – замотала Сонька головой. – Но, наверное, лучше дожидаться милиции?

Мужчина пожал плечами. Тут на стоянку въехала мили-
цейская машина, из нее вышли трое и направились к охран-
нику, тому самому, что обнаружил труп и до сих пор стоял
возле серебристой «Хонды». Говорили они громко, и кое-
что из их разговоров мы слышали.

– Видеонаблюдение есть? – спросил один из прибывших.

– У центрального входа, там тоже стоянка, но всего на
шесть машин. Камера стоит и возле служебного входа, но
стоянку она не захватывает.

– Чудненько. И охраны нет?

– Нет.

– Могли бы хоть фонарь повесить.

– Возле дома два фонаря, обычно света хватало, но сего-
дня один фонарь почему-то не горит.

– Девушка из ваших клиенток?

– Она у нас работает.

Мужчина в костюме с карточкой на груди вышел вперед
и торопливо заговорил:

– Ее зовут Ирина Емельянова, ее номер пользовался боль-
шим успехом у публики. Обычно у нее два выхода, заканчи-
вает работу она около одиннадцати часов, но сегодня Ирина
чувствовала себя неважно, выступила один раз и ушла рань-
ше.

– Во сколько?

– Примерно в 20.15.

Милиционер взглянул на часы. Я тоже посмотрела. Без

пяти минут девять. Если Ирина покинула ресторан в 20.15, а обнаружили ее тело минут двадцать назад, значит, находилась она здесь всего несколько минут до того, как охранник увидел труп.

– Охрана была в здании?

– Да, конечно.

– Выходит, никто ничего не видел?

– Мы вышли покурить, – торопливо заговорил охранник, косясь на типа в костюме. – Обратили внимание на машину. Я видел, как Ирина уходила, вот и подумал, чего она до сих пор не уехала? Решил взглянуть, а она... Две девушки появились здесь раньше нас, – он кивнул в нашу сторону. – Может, они кого-нибудь заметили?

Один из приехавших направился в нашу сторону, между тем разговор продолжался:

– Сумка при ней была?

– Да, была. Маленькая такая...

– Осмотрите тут все как следует, может, сумку найдете.

Ключей от машины тоже нет.

– Думаете, это ограбление? – подал голос тип в костюме.

– Похоже на то. Какой-нибудь наркоман поджидал здесь подходящую жертву, и подвернулась ваша девчонка. Оказала сопротивление и получила по голове. Если бы она закричала, охрана бы ее услышала?

– Думаю, да... смотря как кричать.

– Обычно кричат громко.

– Моя фамилия Силантьев, – представился молодой мужчина, подошедший к нам. – Охранник сказал, что вы раньше, чем они, здесь появились.

– Да, – кивнула Сонька, я тоже кивнула, но в разговор вступать не спешила, потому что сообщить мне было нечего, и приглядывалась к тому, что происходит рядом с серебристой «Хондой». – Мы вышли из ресторана, – с воодушевлением затараторила Сонька. – У нас машина стоит вон там, – ткнула она пальцем в сторону сквера. – Потом решили немного прогуляться и вернулись. Тут охранники вышли.

– Никого на стоянке не заметили?

– Нет. Да мы и были здесь всего пару минут...

– Ясно. – Мужчина потерял к нам интерес, а Сонька выпалила:

– Я уверена, ее убили.

Следователь взглянул с недоумением. Мне его недоумение было понятно, разумеется, убили, раз труп лежит возле машины, но, оказалось, Сонька имеет в виду нечто совсем другое.

– Мы видели ее выступление в ресторане, – продолжала подруга, глаза ее сверкали, а голос взволнованно дрожал. – Эсмеральда, я хочу сказать... то есть Ирина, конечно. Эсмеральда – ее сценический псевдоним. Так вот. Она читала мысли... в общем, она сказала, что в зале находится убийца, то есть не совсем так. Она сказала, кто-то в зале задумал убийство, и она прочитала его мысли.

Очень довольная собой, Сонька замолчала, следовательно смотрел на нее, ожидая продолжения, а я вздохнула, сообразив, что именно подруга пытается ему втолковать.

– И что? – не дождавшись продолжения, спросил он.

– Как что? Разве непонятно? Она прочитала мысли этого человека, вот он ее и убил.

– Она правда мысли читает? – неизвестно к кому обращаясь, спросил дознаватель.

– Конечно.

– Я-то думал, это что-то вроде фокуса.

– Ничего подобного, – возмутилась Сонька. – Она прочитала его мысли, и он ее убил. Понимаете?

– Не очень, – честно сказал парень, я опять вздохнула и легонько пнула Соньку, чтоб она не увлекалась, не то нас в сумасшедший дом отправят.

– Ну, чего же тут не понять? – всплеснула подружка руками, досадуя на чужую бестолковость. – Он задумал преступление, потому и поспешил от Эсмеральды избавиться. Она же все знала.

– Ах, вот как.

– Надо срочно переписать всех, кто был в ресторане, потом выяснить, кто в момент преступления выходил из зала. И все. Убийца у нас в кармане.

– Подождите, когда она говорила о предполагаемом убийстве, обращалась к кому-то конкретно?

– В том-то и дело, что нет. Сказала только, что человек

этот находится в зале.

Между тем возле серебристой «Хонды» появились новые действующие лица. Прибыли они на белых «Жигулях» без надписи на борту. Двое что-то разглядывали на земле, третий без конца щелкал фотоаппаратом со вспышкой. Еще один мужчина из тех, что приехали раньше, подошел к нам. Он выглядел старше, хмурился и смотрел вокруг с недоумением.

– Ну, что? – спросил он Силантьева, тот пожал плечами и кивнул на нас.

– Послушай, что говорят девчонки.

Старалась в основном Сонька, а я все больше помалкивала и сейчас решила рта не открывать. Я бы предпочла, чтобы и подружка не особо увлекалась, но это вряд ли возможно. Энтузиазм переполнял ее, и появление еще одного слушателя так воодушевило, что она рассказала о сеансе чтения мыслей с новыми, весьма красочными подробностями, помогая себе мимикой и жестами, и, должно быть, горько сетовала, что сольный номер пришлось в конце концов закончить. Ответного энтузиазма ее рассказ не вызвал, более того, подошедшим дядькой он был воспринят весьма прохладно.

– Что скажешь? – на всякий случай спросил у него Силантьев.

– Да чушь все это, – поморщился мужчина. – Сумку не нашли, думаю, убийцу интересовала как раз она. Эти чертовы наркоманы уже достали.

– А с ними что делать? – кивнул на Соньку парень. – В протокол их показания заносить?

– Ну, занеси.

Мужчина задал несколько вопросов, которые ранее нам успел задать Силантьев: когда именно мы вышли из ресторана, не заметили ли кого на стоянке. Сообразив, что на бурные аплодисменты рассчитывать не приходится, Сонька погрузилась и потеряла интерес к беседе, так что отвечать на вопросы пришлось мне. Силантьев вместе с нами вошел в здание ресторана через служебный вход и устроился за столом в комнате охраны. Там уже были двое его товарищей, просматривали видеозапись. Протокол составили быстро, Сонька его подписала, потом пришла моя очередь.

– Фамилию, имя, отчество назовите, пожалуйста.

– Ильина Анна Борисовна, – сказала я, парень поднял голову от листа бумаги, посмотрел на меня и спросил:

– Ильин Борис Викторович, ваш...

– Отец, – закончила я. Парень вроде бы собрался еще что-то сказать, но передумал.

Через десять минут мы с Сонькой побрели к моей машине.

– У меня просто в голове не укладывается, – заныла подруга, как только мы покинули здание.

– Что не укладывается?

– Я же им ясно объяснила, что делать. Послушали бы меня и нашли убийцу в три счета.

– Скажи, Софья Сергеевна, ты всерьез веришь, что Ирина сумела прочесть чьи-то мысли?

– А то... ты, конечно, не веришь, – хмыкнула она. – Тогда скажи, с какой стати девушку убили?

– Ты же слышала, грабителю нужна была ее сумка.

– Я тебя умоляю... говори что хочешь, но моя версия значительно интереснее. И вообще, кабак этот – сборище подозрительных типов.

– Кто тебе не приглянулся?

– Один дядечка. По-моему, он от кого-то прятался.

– Да ну, – хмыкнула я, хорошо зная, что Сонька способна из чего угодно сделать историю.

– Говорю тебе, так и есть. Он вышел из бокового коридора, ну, того, где туалеты... отвернулся и даже поднял руку, вроде волосы поправлял, а на самом деле лицо прикрыл и быстро прошмыгнул к выходу. Между прочим, служебному.

– Почему ты не сказала об этом Силантьеву? – остановившись, нахмурилась я.

– Как не сказала? Сказала. Ты просто меня не слушала. Так вот. Перед этим в том же коридоре появилась баба с темными волосами и в платье с блестками. Спрашивается, откуда она взялась?

– В каком смысле? – не поняла я.

– В зале ее ни до, ни после не было. Так откуда она взялась?

Я как раз открывала дверь машины, Сонькины слова за-

ставили меня задуматься.

– У женщины высокая прическа, возраст неопределенный, очень красивая, – уточнила я, вспомнив даму, встреченную возле туалета.

– Точно. Если только змею можно назвать красивой, а та была чистая змея.

Мы сели в машину.

– Я ее видела, – задумчиво произнесла я. – В самом деле, откуда она взялась и куда делась?

Тут я вспомнила о подслушанном разговоре. Теперь он казался мне подозрительным. Хотя... теперь все кажется подозрительным. Вроде бы женщина говорила о некоем человеке, который способен создать проблемы мужчине, с которым она разговаривала, и советовала поскорее эти проблемы решить. Вроде бы так, но дословно вспомнить не получается. Может, следовало рассказать Силантьеву об этом разговоре? Я ведь даже не видела говоривших... хотя сейчас уверена, что женщина была та самая брюнетка, встреченная мною. А мужчина, возможно, тот, кого заметила Сонька. Хотя тут наверняка не скажешь. Может, вернуться и поговорить с Силантьевым? Он сказал, что нас вызовут, если в этом будет необходимость...

– Куда ты едешь? – вдруг спросила Сонька.

– К себе домой.

– Вот еще. Нам надо все обсудить и вообще...

– Я спать хочу.

– Да что за наказание! Как хочешь, а я домой не поеду. Давай тогда к тебе.

От этой перспективы я в восторг не пришла, но с подругой не поспоришь, я свернула на светофоре, решив ехать к дому короткой дорогой: переулками старого города. Не успели мы углубиться в ближайший из них, как Сонька завопила:

– Тормози!

С перепугу я нажала на тормоз и тут в свете фар увидела припаркованный «Мерседес». Из-за него на проезжую часть шагнул мужчина и махнул рукой, призывая нас остановиться.

– Ты чего? – рывкнула я, поворачиваясь к Соньке.

– Смотри, какой красавчик, – она виновато пожала плечами. Мужчина между тем уже распахнул заднюю дверцу, устроился на сиденье и весело сказал:

– Мне вас бог послал, леди.

– Куда вам? – буркнула я, злясь на себя, а еще больше на Соньку.

– Поближе к цивилизации. Хотя с вами я готов хоть на край света.

Я не спеша тронулась с места, Сонька развернулась к парню и спросила:

– У вас что, машина сломалась?

– Да. Не повезло.

Представить такого парня прогуливающимся по улице весьма трудно, выходит, у него действительно машина сло-

малась. Правда, дорогие тачки обычно не ломаются, но чего в жизни не бывает.

— Я гость в вашем городе, — произнес парень и выдал шикарную улыбку. — Не скажете, где можно поужинать? Какое-нибудь тихое местечко, где мы могли бы познакомиться поближе.

Ему, должно быть, и в голову не приходило, что представительница женского пола способна отказаться от его предложения. Если честно, он имел на то все основания. Выглядел парень роскошно. Дорогой костюм сидел на нем великолепно, белая рубашка с расстегнутым воротом, на шее кулон на черном шнурке, кулон был странный, что-то вроде индейской маски с какими-то насечками наподобие иероглифов. Сделан он был из серебра и явно стоил больших денег, но дело даже не в этом: выглядел он чересчур интригующе. Как и сам парень. Высокий, смуглый, тонкий нос с горбинкой, очень красивый рисунок губ, а вот глаза были скрыты темными очками. Довольно странная фантазия, учитывая время суток. Темные длинные волосы зачесаны назад и завиваются кольцами на концах. Разглядывая его физиономию в зеркале, я вдруг решила, что пускать его в свою машину не стоило. Черт знает, почему мне это пришло в голову. Он продолжал скалиться и мило болтать с Сонькой. Та уже размазывалась по сиденью и готова была отправиться с ним хоть в ресторан, хоть к черту на кулички. Последнее представлялось более вероятным, то есть к тому моменту я уже была убеж-

дена: незнакомец просто кладезь неприятностей. Но тут во мне заговорила совесть. Он просто чересчур красив, подобные типы всегда вызывали у меня беспокойство, потому что когда-то где-то я прочитала и поверила: красавцы не способны любить никого, кроме себя, женщины для них ничего не значат, и прочее в том же духе. Соньку эти соображения точно не волновали. Глаза сияют, и трещит без умолку.

– Я знаю отличный ресторан, – повернувшись к парню, заявила она и легонько ткнула меня в бок. – Сворачивай, поедem в «Пеликан».

– Это очень дорогой ресторан, – из вредности сообщила я.

– Мой бюджет выдержит, – отозвался парень и посмотрел в зеркало, взгляды наши встретились, впрочем, тут наверняка не скажешь, раз его глаза скрыты очками. Но я на всякий случай отвела взгляд.

На вид парню было лет двадцать восемь, хотя я решила, что на самом деле он старше, причину опять-таки объяснить не могла и разозлилась: он слишком меня занимал. Однако, несмотря на это самое раздражение, я направила машину в сторону «Пеликана», успокоив себя тем, что стараюсь для подруги.

На стоянке перед рестораном нашлось свободное место, мы выбрались из машины и вскоре уже входили в небольшой зал. Здесь царил полумрак, по углам шептались парочки. Мы устроились в центре зала, официант подскочил к нам и зажег свечи на столике. Очки наш новый знакомый так и не

снял, видел ли он в них что-нибудь – судить не берусь, но когда официант протянул ему меню, он в него даже не заглянул, предпочел выяснять у парня, чем нас могут порадовать в этом заведении. Официант наметанным взглядом окинул наше трио и стал угодлив до приторности. Сонька тарасилась на нежданно свалившегося на нашу голову красавца и готова была проглотить что угодно. Я ограничилась кофе, напомнив ей, что мы недавно ужинали.

– В хорошей компании еще раз поесть не грех, – деловито ответила Сонька, тип напротив улыбнулся.

Когда официант отошел, он заговорил:

– Нам не пора познакомиться?

– Софья, – опустив глазки, пропела подруга. – А это Аня.

– Михаил, – кивнул парень, взял Сонькину руку и поцеловал ее. Признаться, его имя меня озадачило. Я почему-то ожидала услышать что-то экзотическое. Цвет волос, как и цвет кожи, может быть приобретенным. И ни малейшего намека на акцент, но я бы не удивилась, окажись новый знакомый иностранцем. Вот только затрудняюсь определить, из каких краев. Ладно, Михаил, значит, Михаил.

– Вы по делам в наш город? – Сонька решила разведать обстановку.

– Я бездельник, – порадовал нас парень. – Заглянул сюда по дороге, посмотреть на местные достопримечательности.

– И как они вам? – съязвила я, злясь на себя за это. В конце концов, могла посадить его у ближайшей стоянки такси,

а не тащиться с ним в ресторан... Я почувствовала угрызения совести и улыбнулась, но благодушное состояние длилось недолго. Парень действовал на меня как на быка красная тряпка.

– Полчаса назад город мне совсем не нравился, но теперь я уверен: ничего прекраснее мне раньше видеть не приходилось.

– Это вы на наше общество намекаете? – вновь не удержалась я.

– Конечно. Я изнывал от скуки, вдобавок к этому машина сломалась, и вдруг такое счастье.

– У нас тоже вечер не задался, – сказала Сонька и принялась рассказывать об убийстве. Михаил слушал и время от времени бормотал:

– Да что вы говорите?

Когда Сонька заткнулась, он протянул:

– Вот так история. А с виду тихий городок.

То, что мой родной город, в котором насчитывалось больше полумиллиона жителей, этот тип назвал «городком», неожиданно меня задело.

– А вы сами откуда? – спросила я.

– Из Питера, – не слишком уверенно ответил он.

Сонька восторженно прикрыла глазки, вряд ли оттого, что мечтала когда-нибудь оказаться в этом славном городе, у нее, кстати, там тетка живет, так что навещалась Сонька туда довольно часто, зато рейтинг парня пошел в гору, хотя и до

той минуты его зашкаливало. Еще бы, красавец-брюнет на новеньком «Мерседесе», да еще из Питера. Подцепи такого, и жизнь, считай, удалась, по крайней мере Сонька в это свято верила. Однако я здорово сомневалась, что парень прибыл из Северной столицы, хотя почему бы и нет? Более того, я с трудом представляла, откуда он вообще мог взяться. Его облик ассоциировался с мафиозными кланами Сицилии, о которых я, само собой, знать ничего не знала, или с колумбийскими наркобаронами, о которых я знала еще меньше. В другое время меня бы это насмешило, сходство, я имею в виду. Но сейчас было не до смеха, парень упорно казался мне кладезем неприятностей, несмотря на то что улыбался практически беспрерывно. Надо сказать, улыбка у него была в буквальном смысле ослепительная. Два ряда белоснежных зубов, которые просто не могли быть настоящими. Хотя... черт его знает. Об этом типе я с уверенностью могла сказать только одно: ранее мне подобных ему встречать не приходилось, и я очень сомневалась, что могу назвать эту встречу большой для себя удачей.

– Последнее время я в основном живу за границей, – сообщил он с легким намеком на печаль, но тут же вновь улыбнулся. По неясной причине ему было очень весело, казалось, он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться. Повода для такого веселья я не видела, и это тоже смущало.

Очки он так и не снял, они были на манер спортивных, прикрывали не только глаза, но и виски, и я подумала, что

глаза у него, должно быть, невыразительные, маленькие свинячьи глазки. Он подозревает, что без очков вряд ли будет выглядеть роскошно, оттого их и прячет. Как раз на глаза прежде всего и обращают внимание, а когда они скрыты, остается только восхищаться белозубой улыбкой. Решив, что так оно и есть, я немного успокоилась. Михаил продолжал болтать с Сонькой, а я ухмылялась, всем своим видом давая понять, что уж меня-то не проведешь. Заказ нам принесли довольно быстро, парень ел с аппетитом, Сонька от него не отставала, забыв, что сидит на диете.

– Какая удача, что я вас встретил, – сунув в рот бутерброд с икрой, заявил Михаил. – Просто подарок судьбы. Вы без подарка тоже не останетесь, я обещаю.

Данное утверждение показалось мне несколько двусмысленным, зато у Соньки вызвало легкий восторг. Она провела рукой вдоль шеи, предвкушая появление колье в миллион евро, и витиевато высказалась в том смысле, что знакомство с таким мужчиной уже само по себе большое счастье, но чувствовалось, что от подарка она бы не отказалась.

– За границей у вас бизнес? – с умным видом задала она вопрос, надеясь разнюхать о Михаиле еще что-нибудь. Я заподозрила, что она уже близка к тому, чтобы влюбиться, но парень точно был не из тех, в кого стоит влюбляться, оттого я почувствовала беспокойство, а также потребность сказать ему гадость.

– Бизнес? – удивился он и пожал плечами. – Я же бездель-

ник.

– Бездельничать за границей куда веселее, – заявила я и еще раз окинула его изучающим взглядом. Костюм, рубашка, часы на руке, все было безукоризненно и стоило немалых денег.

– На какие шиши бездельничаете, можно узнать? – усмехнулась я.

Михаил тоже усмехнулся:

– Получил наследство. Что с ним делать, так и не решил, поэтому просто его проматываю.

– И как, успешно?

– Более или менее. Хотя скука, конечно, смертная.

– Сочувствую.

– А вы чем занимаетесь? – поинтересовался он.

– У Ани свой бизнес, небольшой, но с перспективой, – с достоинством ответила Сонька. – А я у нее работаю, экономистом.

Михаил кивнул, особо не впечатлившись. Ясно дело, мой бизнес с перспективой казался ему сущей ерундой, а работа экономиста нудной. Желание сказать ему гадость только увеличилось, я не выдержала и спросила:

– Вы очки даже в ванной не снимаете? Какая-то экзотическая болезнь?

– Что-то вроде этого, – кивнул он, снял очки и на меня уставился.

«Обалдеть», – чуть не брякнула я, а Сонька, пискнув «О

господи», вцепилась в стол обеими руками, дабы не оказаться под этим самым столом.

Глаза у парня были разные. Один темен, как ночь, другой ярко-синий, словно небо в июле. Чуть раскосые, с длинными черными ресницами. Сказать, что выглядел он сногшибательно, значило не сказать ничего. Он был просто невероятно красив, а странная фантазия природы придавала его лицу что-то в высшей степени интригующее, так что и мое мысленное «обалдеть», и Сонькин вопль были вполне извинительны.

— Бывает же такое, — с трудом произнесла подружка, глядя на него с большим чувством. Михаил вернул очки на прежнее место и улыбнулся.

— Чтобы дамы лишний раз не поминали имя господи всуе, я их и ношу, — заявил он. — Мужчины, кстати, ведут себя не лучше, — хохотнул Михаил, а я кивнула, успев заметить, до того как он надел очки, свежую царапину возле глаза. Царапина наводила на размышления. Впрочем, как и белоснежный манжет рубашки, который он незаметно поддернул под рукав пиджака, вроде бы пытаясь что-то скрыть. Теперь я абсолютно уверилась, что если судьба и преподнесла нам подарок, то хлопотный.

Первым и, безусловно, разумным побуждением было подняться, проститься с Михаилом и в кратчайший срок оказаться от него на почтительном расстоянии. Но Сонька с этим вряд ли согласится, а оставить подругу с таким типом я

не могу. Рискованно. И даже не в том смысле, что через пару дней мне придется ее утешать, слушая бесконечное нытье по поводу разбитого сердца, а в самом буквальном. Тип с такими глазами, с моей точки зрения, на все способен. Соньку же я люблю, хоть иногда и желаю ей в сердцах провалиться куда поглубже. Оставалось одно: придумать благовидный предлог и удалиться вместе с Сонькой. Как на грех, в голову лезла всякая ерунда, которая подружку вряд ли впечатлит.

В разгар моих мучений Михаил вдруг заявил, отбросив в сторону салфетку:

– Не возражаете, если я вас покину?

Мы не успели ответить, а он уже поднялся и пошел через зал в ту сторону, где был туалет. Все женщины, находившиеся в ресторане, дружно проводили его взглядами. Одного этого было достаточно, чтобы Михаил лишился последних крох моей симпатии, а тут еще Сонька закудахтала:

– Нюся, я, кажется, влюбилась.

– Ну и дура, – буркнула я.

– Что ты за свинья такая? – поморщилась подруга. – Только попробуй сказать, что он тебе не нравится. Ни в жизнь не поверю. Такой парень не может не нравиться. Ты меня слышишь?

– Еще бы. Красавчик, и денег куры не клюют. Это же видно.

– Вот именно.

– Тебя такое сочетание не смущает? – Я попыталась на-

строить ее на критический лад. Куда там.

– Зато у мужчины с деньгами есть чувство собственного достоинства, – упрямилась она.

– А те, у кого денег нет, так гуляют?

– Ты прекрасно поняла, что я имею в виду. Он так шикарно выглядит, что у меня просто голова кругом. Он тебе совсем не нравится? – надула Сонька губы.

– Конечно, нет.

– И слава богу. А то втюрились бы на пару, и как его тогда делить?

– Проблема, – кивнула я.

– Нюся, срочно скажи, как я выгляжу.

– Вряд ли я смогу подобрать подходящее сравнение.

– Хорошо или плохо? – нахмурилась Сонька.

– Выше всяких похвал. Только, ради Христа, не будь душой.

– А то я не понимаю, что заполучить этого типа совсем непросто. Еще как понимаю. Но и мы не лыком шиты. Окрутим на счет «раз»... – подмигнула она. – Или «два», там видно будет. Но ведь какое везенье, Нюся. Мы могли поехать другой дорогой. Завтра в церковь сбегая, свечку поставлю. – Сонька продолжала развивать мысль о внезапном счастье, время шло, Михаил все не возвращался. Наконец на это обратила внимание и Сонька. – Что он там делает так долго? – хмуро поинтересовалась она.

– Может, приступ энуреза? – предположила я.

– Нет, в самом деле... Сколько он отсутствует?

– Минут пятнадцать как минимум.

– Схожу проверю. – Сонька приподнялась, но тут же плюхнулась на стул. – Как-то неудобно.

– Он спросил, не будем ли мы против, если он нас покинет, – начала соображать я. – Так, может, и покинул?

– То есть просто смылся? – ошалело спросила Сонька. – Нюся, я этого не переживу.

Тут в досягаемой близости появился официант, Сонька простерла к нему руку.

– Простите... – Тот подошел, подруга выпалила: – Наш друг задерживается в туалете. Вы не могли бы проверить...

– Так он ушел, – сообщил парень, глядя на нас без намека на насмешку.

– Куда ушел?

– Не сказал, – серьезно ответил официант. – Расплатился и ушел. Десерт подавать?

– Спасибо, – пискнула Сонька и на меня уставилась. – Ты что-нибудь понимаешь? – Я отчаянно замотала головой. – Вот козел! – в сердцах рявкнула подруга, впервые за последний час меня порадовав. Правда, радость оказалась преждевременной. Сонька поднесла к лицу салфетку с намерением зареветь. – Нюся, как жить после этого?

– Счастливо, – отозвалась я. – Идем, обойдешься без десерта.

– Так гнусно со мной еще никто не поступал, – бормотала

подруга, двигаясь за мной к выходу, у меня же было чувство, что мы легко отделались. Правда, очень скоро это утверждение пришлось пересмотреть.

Мы вышли на улицу, я вдохнула воздух полной грудью и предложила Соньке полюбоваться звездами.

– Свинство и больше ничего, – в досаде сказала она, имея в виду выходку Михаила. – Вези меня домой. Надо же так поиздеваться над человеком, все пообещать и показать фигу.

– Чего он тебе обещал?

– Я судьбу имею в виду. Этот разноглазый тоже, кстати, обещал подарок.

Лучше бы ей помалкивать. Не успели мы выехать на проспект, как сзади возник джип и повис у нас на хвосте. Я увеличила скорость, водитель джипа тоже ее увеличил.

– Чего ему надо? – проворчала Сонька, глядя в зеркало.

Если честно, меня появление джипа сильно беспокоило. Я свернула в ближайший переулок, тем самым допустив стратегическую ошибку. То есть поначалу я считала это разумным решением, собираясь проскочить переулок на скорости и затеряться в лабиринте старого города. Но стоило нам оказаться в переулке, как водитель джипа стал прижимать нас к тротуару, незамысловато намекая, что нам следует остановиться. Если на проспекте машин было множество и он особо не нагнул, то здесь, в пустынном и довольно темном пространстве, попросту свихнулся. Я чертыхнулась и попробовала увернуться, пару раз мне это удалось. Потом мы стали

чертыхаться вместе с Сонькой и по-настоящему испугались.

– Нюся, не останавливайся! – вопила она. Я бы и рада, но тот, кто сидел за рулем джипа, был настроен решительно и, к несчастью, управлял машиной куда лучше, чем я. Левое колесо ударилось о край тротуара, и мне пришлось затормозить. Джип перекрыл проезд. Я еще только пыталась понять, что происходит, а дверь с Сонькиной стороны уже распахнулась, подружка рывкнула:

– Ты что, спятил, козел? – Но тут же добавила: – Мальчики, в чем дело?

Пока я гадала о причинах внезапной смены настроения подруги и заискивающей интонации ее голоса, дверь с моей стороны тоже распахнулась и меня очень невежливо выволокли из машины.

– Где он? – заорал верзила со стрижкой «ежик».

– Кто? – не поняла я и тут же осознала: лучше бы мне помалкивать.

– Убью, сучка! – рывкнул верзила и для убедительности замахнулся, один из его дружков держал перепуганную Соньку, двое других заглядывали в салон. Не знаю, что они ожидали увидеть, но на лицах всех четверых читалось разочарование. – Где он? – проорал верзила мне в ухо, все еще держа кулак на уровне моей физиономии, это здорово нервировало, но соображать я стала гораздо лучше.

– Можно конкретизировать ваш вопрос? – пискнула я.

– Нюся, – слегка пошатываясь в могучих мужских руках,

заблелла Сонька. – Мне кажется, ребята имеют в виду Михаила.

К тому моменту и я была уверена: так и есть. Надо полагать, это тот самый подарок, который он, по доброте душевной, нам обещал. Большое ему за это спасибо.

– Если вы о парне, с которым мы сидели в ресторане, так он сбежал, – стараясь говорить как можно спокойнее, сообщила я со вздохом.

– Багажник открой! – рывкнул парень, мне достался самый нервный из четверки, отчего я мысленно возроптала на судьбу.

– Да брось ты, – махнул рукой его приятель, захлопнув дверцу. – Я же говорил, нечего ждать, надо было брать его в кабаке.

– Ага, – хмыкнул тот, что стоял рядом с ним, и добавил удрученно: – Что делать-то?

– Отвезем этих сучек в тихое местечко и поспрашиваем.

– О чем? – вновь не к месту открыла я рот, а Сонька завизжала, хотя замахнулись на меня, а не на нее. Я вжала голову в плечи и решила: в третий раз точно не повезет, и кулак верзила обрушит на мою голову – уж очень он к этому стремится. Но тут подзадержавшийся невесть где мой ангел-хранитель наконец-то решил вмешаться.

Сначала мы слышали шум подъезжающей машины, потом меня ослепил свет фар. Не только меня. Верзила прикрыл локтем глаза и зло выругался. Надо сказать, появлению

еще одной машины я не обрадовалась. Рассчитывать на то, что к нам придут на помощь, не приходилось, скорее пройдут мимо, решив не вмешиваться. Но была надежда, что в милицию все-таки сообщат, и я, наплевав на последствия, завопила отчаянно:

– Помогите!

Сонька тоже завопила, но менее удачно, парень, что ее держал, успел стиснуть ей рот, и качественного крика не получилось.

В свете фар мы являли собой впечатляющую композицию, и тут я сообразила: машина, что ехала навстречу, вопреки моим ожиданиям остановилась. «Милиция?» – с надеждой подумала я и не угадала.

– Что происходит? – спросил из темноты мужской голос. Может, потому, что я считала обладателя голоса своей единственной надеждой, он показался мне невероятно красивым. В нем не было и намека на беспокойство или растерянность. Произносивший эти слова привык, чтобы на вопрос ему давали ответ, причем быстро и по делу. В общем, он мог принадлежать только настоящему мужчине, герою, в котором в тот момент мы с Сонькой остро нуждались.

Правда, явилась еще одна мысль: парень чокнутый. Один против четверых, что мне за радость в его заступничестве, если сейчас ему как следует наваляют, а нас все равно увезут?

Свет фар по-прежнему слепил, и что там за чертой света,

я видеть не могла, зато слышала: кто-то идет нам навстречу, причем не один.

– Катись отсюда! – заголосил верзила рядом.

– Обязательно. Как только отпустишь девушку и объяснишь, что происходит.

– Люди выясняют отношения, – ответил тот, что держал мою подружку. – Неясно, что ли? Милые бранятся, только тешатся.

Я опять завопила:

– Помогите!

– Отпустите девушек, – произнес самый красивый голос в мире, парень толкнул Соньку в сторону и сказал, обращаясь к своим: – Поехали.

Верзила наклонился к моему уху и шепнул:

– Завтра поговорим.

– Лучше послезавтра, – ответила я, все еще не веря, что нам повезло и эти типы решили убраться восвояси. Не удержавшись, верзила ткнул меня лицом в машину, но я чего-то подобного ожидала, так что ткнулась не в дверцу, как он рассчитывал, а в свой локоть.

Четверка загрузилась в джип, он сдал назад, развернулся и вскоре скрылся с глаз. Впрочем, этот момент меня уже не интересовал, я спешила увидеть нашего спасителя.

Вновь слышались шаги, и в круг света вошли трое мужчин. Двое были высоки и плечисты, в скромных серых костюмах и неброских галстуках, третий был чуть выше сред-

него роста и гораздо старше этих двоих. «Лет сорока», – решила я, уже сообразив, кто здесь главный.

– Как дела? – спросил последний и улыбнулся, и я почувствовала что-то вроде досады – самый красивый в мире голос принадлежал ему. Я бы предпочла кого-нибудь из его спутников, сорокалетние мужчины представлялись мне ветхими старцами. Правда, сказать такое о моем спасителе было все же затруднительно. Ни брюшком, ни лысиной обзавестись он еще не успел и выглядел вполне импозантно. «Зато женат», – решила я, сообразив, что придуманная мною за десять секунд до этого история любви ни в какие ворота не лезет. История была незамысловата и вполне годилась для романа: героиню похищают плохие парни, и тут на помощь приходит ОН, а вслед за ним и любовь с большой буквы. Ладно, главное, нас спасли.

Между тем вопрос мужчины требовал ответа, а я, занятая сначала мечтами, а потом переживаниями по поводу их утраты, помалкивала. Хорошо хоть Сонька в любой ситуации молчать не способна.

– Спасибо вам огромное, – бросилась она к нашему спасителю, вроде бы собираясь заключить его в объятия. – Не поверите, какой у нас сегодня выдался вечерок. Сначала убийство, потом козел с разными глазами, и эти чокнутые до кучи. Просто дурдом какой-то...

– Соня, – позвала я.

– А? – Сонька перевела взгляд с мужчины на меня и за-

ткнулась.

– Это что, были ваши знакомые? – спросил он.

– Шутите? – удивилась я. Он усмехнулся.

– В самом деле, что это я. У такой девушки не может быть приятелей вроде этих.

– Да какие приятели, – вновь заговорила Сонька. – Мы их первый раз видим. Надеюсь, и последний. Перепугали нас до смерти, стервецы.

– Глеб Сергеевич, вам лучше в машину вернуться, – заметил один из парней, оглядываясь.

– Пустяки, – отмахнулся Глеб Сергеевич, продолжая смотреть на меня, я пялилась на него и совершенно по-глупому покраснела.

– Вы не могли бы нас проводить? – сказала я, с трудом выдержав его взгляд.

– Конечно, – кивнул он. – Мы поедем за вами.

– Спасибо. – Надо было идти к машине, но я все стояла, уставившись на него.

– Я – Софья, – кашлянув, сообщила подруга. – А это Аня.

– Очень приятно, – кивнул он. – Глеб. Что ж... – Он замолчал, и стало ясно: дальше глазеть на него попросту неприлично.

Я села в машину, Сонька плюхнулась рядом и сразу принялась трещать:

– Нюсечка, я тебя как женщину прекрасно понимаю, но это глупость.

– О чем ты? – нахмурилась я, наблюдая за тем, как Глеб Сергеевич вместе со своими спутниками возвращается к машине.

Черный «БМВ» сдал назад, освобождая нам дорогу, мы тронулись с места.

– Нюся, он твоему папе почти что ровесник. Влюбляться в него – плохая идея, я бы сказала, никуда не годная. Он женат, в таком возрасте все женаты, а если и не женат... Ты меня слышишь? Хотя он, конечно, ничего, симпатичный, а вот водитель у него просто красавчик. Ты заметила?

– Тебя домой отвезти или ты ночуешь у меня?

– Лучше у тебя. Слишком много радостных волнений, бо-язно как-то сидеть в одиночестве. Как думаешь, они Мишку искали? – вздохнула подружка.

– Кого же еще?

– Вот гад, так нас подставил. Нет у людей совести. А с виду приличный парень. Зачем он им понадобился?

– Понятия не имею, но настроены они были решительно.

– А вдруг они завтра в самом деле явятся? Надо папе твоему нажаловаться. Слышишь?

– Нажалуемся. Потерпи немного.

– Все-таки твое состояние меня беспокоит. Ну, вот о чем ты сейчас думаешь?

– О том, что господь нас любит.

– Это в каком смысле?

– Не дал пропасть.

Я то и дело поглядывала в зеркало, желая убедиться, что «БМВ» следует за нами. Если честно, я думала, что, проводив нас немного, Глеб Сергеевич отправится по своим делам, решив, что далее тратить на нас время ни к чему, но мы удалились на значительное расстояние от переуллка, а он все еще ехал за нами.

До моего дома было не так уж далеко. Минут через двадцать мы свернули с проспекта, и впереди показался дом за низким заборчиком. Я притормозила у ворот, «БМВ» тоже притормозил. Сонька помахала провожатым рукой, я думала, этим все и закончится, но Глеб Сергеевич вышел из машины, водитель продолжал сидеть на своем месте, а вот второй парень вылез за хозяином, или кем он там его считал.

– Все в порядке? – спросил Глеб Сергеевич, когда я тоже вышла из машины.

– Да. Спасибо вам.

Он кивнул в сторону дома:

– Живете с родителями?

– Да, с отцом.

– А мама?

Чего это он вздумал расспрашивать?

– Мама умерла. Давно. Мне еще не было года.

– Вот как... – Мой ответ вроде вызвал у него сомнения, хотя он, скорее всего, просто не знал, что сказать, а уезжать не спешил. Я, кстати, уходить тоже не торопилась.

– Спасибо вам еще раз, – вздохнула я, сообразив, что па-

уза длится слишком долго.

– Могу я вам позвонить? – все-таки произнес он, и я уверена: сразу пожалел об этом. – Просто чтобы убедиться, что у вас все в порядке, – закончил он скороговоркой.

– Конечно, – кивнула я и, когда он достал мобильный, продиктовала номер.

– Что ж, всего вам доброго. – Он улыбнулся и пошел к своей машине, махнув мне рукой. Но уехал не сразу, решил дожидаться, когда ворота откроются и мы окажемся во дворе.

– Нюся, это глупость, – заныла Сонька. – Вот помани мое слово. Ленка Горчичкина с женатым встречалась, и что? Угробила на него четыре года, а он с женой так и не развелся. То она болела, и он ее бросить не мог, то забеременела. Ну, на фига тебе такое счастье?

– Он не позвонит, – решила я, не сразу сообразив, что произнесла это вслух.

– Почему? – насторожилась Сонька. – Еще как позвонит. Ему на башку свалилось такое счастье, а он не позвонит?

Мы поднялись на крыльцо, я открыла дверь и первой вошла в освещенный холл. Сонька продолжала болтать о том, что любой мужик не только позвонит, но непременно побегит за мной на край света, и прочее в том же духе, но несмотря на то, что с большинством ее утверждений я была согласна (скромность не входит в число моих добродетелей), однако почему-то сомневалась, что Глеб позвонит. Подумает и поутру решит, что это ни к чему. А может, уже решил.

– Хочешь чаю? – спросила я Соньку, желая пресечь поток ее красноречия, а заодно отвлечься от своих мыслей.

– Может, лучше коньячку? – кашлянув, ответила подружка. – Чаем нервы не успокоишь.

Мы направились в кухню. Сонька плюхнулась на стул и наблюдала за тем, как я извлекаю из шкафа коньяк и две рюмки, горя желанием нравоучения продолжить. Но тут послышались шаги, и в кухню заглянул папа. Через мгновение выяснилось: у нас гость. Вслед за отцом появился Николай Иванович, давний его друг и компаньон.

– Привет, молодежь, – сказал папа и с некоторым удивлением посмотрел на бутылку в моих руках. Я поспешно поставила ее на стол.

– Здравствуйте, дядя Боря, – обрадовалась Сонька, кивком поздоровалась с гостем и объяснила: – Мы, это... стресс снимаем. Такого натерпелись. – Я сделала ей знак молчать, но, как всегда, опоздала. Соньку понесло. – Представляете, какие-то типы хотели нас увезти, приличным девушкам уже по улице проехать невозможно, непременно какая-нибудь пакость прицепится. Просто наказание.

– Кто вас хотел увезти? – нахмурился отец. – Куда?

– Ерунда все это, – поспешно вмешалась я. – Просто какие-то придурки...

– Ничего себе ерунда, – возмутилась Сонька. – Ерунда... Вот, коньяк пьем для обретения душевного равновесия.

– Аня, что случилось? – посуровел отец.

– Пристали какие-то идиоты. Мы посоветовали им найти других подружек, и они уехали. – Я выразительно посмотрела на Соньку, она открыла рот с намерением возразить, но тут же его закрыла. Дошло наконец, что, если продолжит в том же духе, в ближайшее время все вечера я буду проводить дома.

Отец покачал головой, будто не знал, как следует отнестись к моим словам.

– Вы бы Вовку моего с собой брали, – с усмешкой предложил Николай Иванович. – Тогда к вам точно никто не пристанет.

Вовка, племянник Николая Ивановича, двухметровый парень двадцати семи лет с физиономией бульдога и мозгом младенца, был добродушен и весьма забавен, но выдержать его общество более получаса возможным не представлялось. Достигнув выдающихся результатов в спорте, внятно изъясняться он так и не научился, что серьезно затрудняло общение. Вовка был сиротой и с десяти лет жил в доме Николая Ивановича, у того своей семьи не было, и он любил повторять, что Володя – его единственный наследник (а наследовать было что), и, подозреваю, лелеял мысль с отцом породниться, раз уж у них общий бизнес. К счастью, папу подобные мысли не посещали, и он советовал Николаю Ивановичу жениться, потому что, как и я, затруднялся представить Вовку обладателем больших денег, то есть дураку ясно, что денежки он с помощью добрых людей пустит по ветру, а Ни-

колай Иванович у нас мужчина в расцвете лет и еще запросто нарожает наследников.

– Вовку не надо, – брякнула Сонька. – Тогда к нам вообще никто не подойдет, ни дураки, ни умные, а мне надо свою жизнь устраивать.

– А что, Соня, может, за меня замуж пойдешь? – со смешком спросил друг отца, Сонька задумалась.

– Я бы лучше за дядю Борю, – наконец выдала она, и все засмеялись, а я поздравила себя с тем, что глупые Сонькины речи отвлекли моего отца от мыслей о моей безопасности, но тут подруга вновь заговорила: – Ужас, что за вечер выдался. А ведь нас с Нюсей сегодня развели на голубом глазу. Ага, такой хмырь попался...

– Хмырь из тех, кто вас увезти хотел? – проявил интерес папа.

– Не-а. Те, что увезти хотели, как раз его искали. Злющие были, страсть. Должно быть, он их здорово чем-то допек. И меня это, кстати, нисколько не удивляет. Сразу видно, жуткий мерзавец.

Чего там Соньке видно, еще вопрос. Пока разноглазый не сбежал, подружка считала его верхом совершенства, но спорить я не стала, молча кивнула.

– Вы меня совсем запутали, – нахмурился папа. – Нельзя ли потолковее объяснить, что с вами произошло?

– Ничего особенного, – вновь вмешалась я, зная страсть Соньки к преувеличениям. Отец сверлил меня взглядом, а

Николай Иванович произнес:

– Ты все-таки расскажи.

«Лучше я, чем Сонька», – рассудила я и принялась рассказывать. В моем изложении наше приключение выглядело забавно. Подобрали на улице парня, он пригласил нас в ресторан, а потом смылся.

– Значит, парень решил поужинать за чужой счет, – засмеялся Николай Иванович.

– Ничего подобного, – влезла подружка. – Он сам расплатился.

– Чудеса, – хмыкнул папин друг, а отец нахмурился еще больше.

– А потом за вами гнались какие-то типы и хотели увезти?

Теперь я не сомневалась, что, несмотря на мои старания представить происшествие в забавном свете, оно отцу таким совсем не показалось. Николай Иванович тоже в нем ничего смешного не увидел. И вместе с отцом засыпал нас вопросами, на которые мы при всем желании ответить не могли, хоть Сонька всю фантазировала и, видя заинтересованность слушателей, заявила:

– Только это еще не все. Мы стали свидетелями убийства. Ну, не совсем свидетелями.

– Ты меня с ума сведешь, – сказал папа, глядя на меня с большим недовольством. – Какое убийство?

– Мы ужинали в ресторане, там девица выступала с чтением мыслей. И сказала, что в зале сидит убийца, то есть кто-то

решил кого-то замочить. А потом на стоянке, представляете, охранники нашли ее труп, мы как раз собирались уезжать и оказались в гуще событий. Нас менты допрашивали, – добавила Сонька с гордостью.

– Час от часу не легче, – произнес папа.

– А что за девица, читающая мысли? – задал вопрос Николай Иванович. – В каком ресторане вы были?

Сонька назвала ресторан и сообщила все, что знала о девушке. Отец с Николаем Ивановичем переглянулись. На лицах обоих явственно читалось беспокойство. Они с неммым вопросом смотрели друг на друга, а я на них. Сонька, почувствовав неладное, уставилась на меня.

– Она что, действительно мысли читает? – наконец заговорил Николай Иванович.

– Читает, – воодушевилась Сонька. – Там Илюха Гельман был, у него прочитала тютелька-в-тютельку. Правда, Нюся?

– Откуда мне знать его мысли?

– Вы виделись с Ильей? – поинтересовался папа.

– Сидели в одном зале, – пожала я плечами.

– И ты по-прежнему...

– Папа, – перебила я, он кивнул.

– Хорошо. Завтра попробую разобраться с вашими приключениями. – И пошел провожать Николая Ивановича.

В холле они задержались и о чем-то тихо переговаривались, поглядывая на нас.

– Убила бы тебя, – беззлобно сказала я Соньке.

– За что?

– За длинный язык. Илью-то зачем приплела?

– А что такого?

Я махнула рукой.

Папа, проводив Николая Ивановича, присоединился к нам. Разговор то и дело возвращался к нашему рассказу, и стало ясно, что отец не успокоится, пока во всем этом не разберется. Но по тому, как он хмурился и вдруг замолкал на середине фразы, я поняла: что-то его мучает помимо моих сегодняшних приключений.

Не будь здесь Соньки, я бы постаралась выяснить, что тревожит отца, однако сейчас об этом не могло быть и речи. Папа не из тех, кто откровенничает при посторонних. Впрочем, с близкими он тоже особо не откровенничает. Не знаю, насколько он доверяет Николаю Ивановичу, но если и доверяет, то только ему. Не считая меня и давнего друга, у отца близких людей не было.

Моя мама умерла, когда мне едва исполнился год, отец больше не женился. Само собой, женщины у него были, но в нашем доме они никогда не появлялись, и ни с одной из них знакомства я не свела, хотя ничего против не имела. И против женитьбы отца никогда не возражала, ни в детстве, ни тем более сейчас. Однако папа предпочитал холостяцкую жизнь, что меня, признаться, удивляло. Ему всего пятьдесят три, выглядит он на сорок, высокий, подтянутый, может, не красавец, но в нем есть некое суровое обаяние, и женщинам

он, безусловно, нравится. Сонька в юности была влюблена в моего отца, краснела и млела в его присутствии, над чем он добродушно подшучивал. Думаю, поведи он себя иначе, Сонька вполне могла стать моей мачехой, по крайней мере, она на этот счет еще пару лет назад строила планы. Да и сейчас порой вздыхает, поглядывая на папу, но он просто не в состоянии разглядеть женщину в подруге дочери, которую помнил веснушчатой девчонкой с косичками.

Как-то на Новый год Сонька изрядно выпила для храбрости и решила признаться ему в любви. Но папа, что-то заподозрив, в разгар веселья улизнул из дома, так что Сонька зря мучилась похмельем. Намеки подруги он игнорировал и разговаривал с ней так, словно она еще не вышла из детского возраста. Соньке это в конце концов надоело, но отец до сих пор остается для нее эталоном «настоящего мужчины».

Если в случае с Сонькой папина осмотрительность мне понятна, то его стремление к безбрачию вызывает недоумение. Долгое время я считала, что это связано с тем, что он очень любил мою мать и не в состоянии представить на ее месте другую женщину. По этой причине он избегал разговоров о ней. Разумеется, когда я допекала его вопросами, он что-то рассказывал, но уже в детстве я поняла: моя настойчивость его огорчает, вызывая приступ дурного настроения, он становился еще более молчаливым, хмурился и подолгу размышлял о чем-то. До меня наконец дошло: отцу больно возвращаться к своему прошлому.

После смерти мамы мы покинули город, в котором жили, и переехали сюда, наверное, тоже из-за желания отца отгородиться от воспоминаний, сменить обстановку, начать новую жизнь. Уже взрослой мне иногда хотелось расспросить его об отношениях с мамой, узнать, как они познакомились, как жили отпущенные им четыре года, но боязнь сделать отцу больно перевешивала вполне понятное любопытство, хотя от тех событий нас отделяет больше двадцати лет и за это время душевные раны просто обязаны были затянуться. Впрочем, причина папиной одинокой жизни могла быть вполне банальной: его устраивали ни к чему не обязывающие отношения с женщинами.

Мама, кстати, завещала себя кремировать, отец сказал как-то, что мысль о том, что ее зароят в землю, вызывала у нее ужас, и он выполнил ее просьбу. Прах был развеян в парке, где мама любила гулять, так что даже могилы ее не осталось, и, наверное, по этой причине мама была для меня каким-то легендарным персонажем, никакого отношения к моей реальной жизни не имеющим. После ее смерти отец уничтожил все ее фотографии, об этом я узнала лет в десять и не решалась спросить, почему он это сделал. Хотел избавиться себя от боли? Наверное, так. Но этот его поступок долго не укладывался у меня в голове. Я даже не знаю, как выглядела мама. Правда, папа пару раз заметил, что я на нее похожа. Ко мне отец всегда относился с огромной любовью, которую не умел и не хотел скрывать. Мне разрешалось многое и все

прощалось. Папиными стараниями из меня бы, скорее всего, выросла законченная эгоистка, если бы не бабушка, его мать. Она, напротив, была очень строгой и смогла-таки внушить мне вполне здравые мысли, что в мире существует еще много чего помимо моих желаний. Не помню, чтобы бабушка с отцом ссорилась или хотя бы спорила, но к своему сыну она относилась так же требовательно и сурово, как и ко мне. Умерла она, когда мне исполнилось восемнадцать, как раз в день моего рождения. С тех самых пор я его терпеть не могу и никогда не отмечаю. Отец тяжело переживал ее смерть, но, по обыкновению, молчал о своих чувствах. Сидел, обняв меня, гладил по голове, точно я была еще ребенком, иногда вздыхал. В общем, о том, что творилось в его душе, оставалось только гадать. Временами я задаюсь вопросом: существует ли в природе женщина, способная растопить этот лед? С которой он мог бы откровенничать, советоваться, показать себя слабым? Если да, очень хотелось бы на нее взглянуть. Несмотря на то что отец внушал уважение, более того, мог с легкостью вызвать у женщин едва ли не щенячий восторг, жить с ним, должно быть, не сахар.

У отца была репутация исключительно порядочного человека, который даже в лихие девяностые не запятнал себя связью со всяким сбродом, как любил выражаться Николай Иванович, имея в виду бандитов всех мастей. Само собой, отцу приходилось нелегко, и тогда, да и сейчас врагов у него предостаточно, по этой причине на моей безопасности

он попросту помешан. Оттого я и пыталась придать нашим сегодняшним приключениям несерьезный характер. Конечно, отец о них и без наших рассказов узнал бы, по крайней мере, об убийстве Ирины, раз мы давали показания в милиции. Но вот обо всем остальном я бы предпочла промолчать. Сама же я, прокручивая в голове события вечера, все больше склонялась к мысли, что ничего забавного в них нет, более того, нам фантастически повезло, что все закончилось благополучно. И беспокоят меня не столько придурковатого вида типы на джипе, сколько разноглазый, хоть я и затрудняюсь объяснить почему.

– Завтра пойдешь в милицию и напишешь заявление, – сказал отец.

– Папа...

– Что «папа»?

– Ничего же не произошло. Ну, пристали какие-то придурки...

– Пойдешь с Вадимом, – сказал папа. Вадим Костюков – начальник охраны в фирме отца, довольно занудливый парень, которому повсюду враги мерещатся. Представив, что меня ждет завтра, я поморщилась, словно съела кислое. – Пусть разберутся со всем этим, – добавил отец, и стало ясно: возражать не имеет смысла. – Ладно, я пошел спать, вы тоже долго не засиживайтесь. И коньяком не увлекайтесь, – улыбнулся он.

– Я с тобой лягу, – сказала Сонька, когда мы вслед за от-

цом покинули кухню.

– Тогда в ванную я иду первой.

– Да ради бога.

Стоя под душем, я думала о Глебе. Позвонит или нет? Почему-то эта мысль меня очень занимала. Отец наверняка его знает или хотя бы слышал о нем. При случае его нужно расспросить. Впрочем, идея так себе, папа начнет задавать вопросы, а мне вряд ли захочется на них отвечать. Набросив халат, я вышла из ванной. Сонька лежала на кровати поверх покрывала, дрыгала ногами и напевала.

– Иди в душ, – сказала я Соньке и легла в постель, а когда подружка вернулась, старательно делала вид, что уже сплю. Но Соньке было на это наплевать.

– Интересно, что за тип этот Михаил? – ложась рядом, заговорила она. – И с какой стати психи на джипе его искали? Эй, ты спишь?

– Сплю.

– Все-таки ужасно обидно, Нюся. Такой красавчик, на шикарной тачке...

– А с чего мы, собственно, взяли, что он был на машине? – поворачиваясь к Соньке, спросила я. – То, что он стоял рядом с ней, ничего не значит. И на физиономии у него была свежая ссадина.

– По-твоему, он удирал на своих двоих, а тут мы подвернулись? Но если его недруги видели, как он садился к нам в машину, почему не остановили нас по дороге в ресторан? А

если не видели, как о нас вообще узнали?

— Нас могли увидеть в ресторане и сообщили об этом тем самым типам. Они скоренько явились, но Михаил к тому моменту уже смылся, оставив нас расхлебывать кашу.

— Вот гад... хотелось бы с ним встретиться...

— Лучше не надо встречаться, — усмехнулась я.

— А как же любопытство? И вообще, он произвел на меня впечатление. А с Ильей тебе надо помириться, — без перехода заявила Сонька. — Вот и папа твой говорит...

— Отстань! — рявкнула я и натянула одеяло на голову.

— Скажи на милость, чего ты злишься на парня? Он сам только из-за большого везения жив остался. У него же все ребра сломаны были. Ты слышишь?

Я стоически молчала, Сонька продолжила бубнить, но вскоре выдохлась. Выключила ночник и минут через пятнадцать начала сладко посапывать.

А вот мне не спалось. И причиной тому было вовсе не сегодняшнее приключение. Против всякого желания я думала об Илье. Мне бы и в голову не пришло обвинять его в той аварии. Он действительно чудом остался в живых. Нам всем тогда здорово повезло. Всем, кроме Сергея.

С Сергеем мы учились в одной школе, он был на три года старше. Сначала в него влюбилась Сонька, мы с ней тогда только-только перешли в восьмой класс, Сергей, соответственно, в одиннадцатый. Для него мы были малышкой, на которую внимания обращать не стоит. Сонька подкараули-

вала его в школьных коридорах и зазывно улыбалась. Само собой, я паслась рядом, выслушивала ее нытье и разрабатывала планы, как привлечь внимание Сергея. К Новому году и я была уже по уши влюблена. Позже выяснилось, что не мы одни по нему сохли. Половина девчонок в школе была занята тем же. Высокий светловолосый парень, красавец и умница, он был не по годам серьезен. Спокойный, сдержанный, с принципами. Его дружбой дорожили, а он умел дружить. По-настоящему. В общем, не влюбиться в такого парня было просто невозможно.

Возвращаясь с Сонькой с новогоднего вечера, мы неподалеку от школы столкнулись с уличной шпаной. Неизвестно, чем бы эта встреча закончилась, если бы не появление Сергея в компании Ильи Гельмана. Шпана поспешно ретировалась, а друзья пошли нас провожать. Тогда мы с Сонькой не только учились в одном классе, но и жили в одном дворе. По дороге, естественно, разговорились. Впрочем, говорила в основном Сонька, а свое внимание Сергей почему-то обратил на меня. После каникул подошел ко мне на перемене, поздоровался и спросил, как дела. Наблюдавшие эту сцену одноклассницы замерли и начали ждать развития событий. Они и развивались. Мы встречались в школе и на катке. Со стадиона Сергей провожал нас домой. Потом пригласил меня в кино, через месяц в кафе-мороженое. Очень часто компанию нам составляли Сонька и Илья. С Ильей Сергей познакомился за пять лет до этого, они вместе занимались в

спортшколе. В отличие от Сергея, родители которого были людьми богатыми, Илья рос в так называемой неблагополучной семье. Когда ему было лет двенадцать, мать их бросила, отправилась искать лучшей доли с залетным любовником. Отец, который и до того был большим любителем выпить, ударился в запой и из него уже не выходил. Одна пьяная сожительница сменяла другую, в такой ситуации мальчишка, скорее всего, быстро бы оказался на улице или того хуже. Но с Ильей все было иначе. Как мог, он вел немудреное хозяйство, приглядывал за отцом и его пьяными бабами, с тринадцати лет начал подрабатывать, не упуская ни малейшей возможности. Мыл полы в подъездах, таскал мешки на хлебо-заводе, расклеивал объявления, при этом умудрялся хорошо учиться и заниматься спортом. Мало кто догадывался, глядя на этого озорного подростка, как нелегко ему приходится. Поначалу меня удивляла эта дружба. Что, кроме занятий спортом, могло связывать этих ребят? Они казались очень разными. Серьезный и вместе с тем открытый, улыбчивый Сергей и всегда насмешливый хулиган Илья. И только узнав историю Ильи, я поняла: Сергей очень его уважает. За стойкость, за умение никогда не жаловаться, за достоинство, с которым тот держался. И уважение это передалось нам с Сонькой. Мы стали друзьями. Учились мы втроем в английской школе, Илья в обычной, той, что была рядом с его домом. С английским ему помогал Сергей. Потом его отец взял Илью к себе на работу. Окончив школу, Сережа уехал учиться в

Москву, но на выходные приезжал домой, и наша дружба, вопреки пророчествам Соньки, не сошла на нет. Между тем я тоже окончила школу и, конечно, решила поступать в московский вуз, чтобы быть поближе к Сергею. Но отец сказал твердое «нет». Впервые он ничего не желал слушать, и мои слезы его не впечатлили. Учиться я стала в родном городе, к большой радости Соньки, которая о Москве и не помышляла. В институте мы учились в одной группе, и это примирило меня с суровой, как мне казалось, действительностью. К тому времени мы с Сергеем стали любовниками, что для моего отца не явилось неожиданностью. Отнесся он к этому вполне спокойно, Сергей ему нравился, как, впрочем, и Илья. Оба часто бывали в нашем доме.

Получив диплом, Сережа вернулся в родной город, устроился на работу в солидную юридическую фирму, хотя мог бы работать у своего отца, и через неделю после этого сделал мне официальное предложение. Папа в восторг от этого не пришел.

— Куда вы торопитесь? — ворчал он. — Дай ей хоть доучиться. — Но на сей раз завидную твердость проявила я, и он махнул рукой: — Женитесь.

Родители Сергея его выбор одобрили и начали подыскивать нам квартиру в качестве свадебного подарка. Пятого сентября мы подали заявление в загс и отправились вечером отмечать это событие на дачу. Выпили на троих две бутылки шампанского. Илья от выпивки отказался, у него было ноч-

ное дежурство, из-за этого на даче мы не остались, а за руль сел Илья. Своей машины у него не было, но водил он машину прекрасно, гораздо лучше, чем я или даже Сергей.

До города оставалось километров пятнадцать, когда нас подрезал джип. На скорости наша машина врезалась в фонарный столб. Ребята сидели впереди, удар был такой силы, что подушки безопасности помогли мало. Обоих доставили в больницу с множеством переломов, мы с Сонькой отделались синяками и легким сотрясением мозга.

Через полтора месяца Илья вышел из больницы, Сергей там находился в общей сложности полгода, перенес четыре операции. Одна прошла неудачно. Из больничной койки он переместился в инвалидную коляску. Врачи предупредили: вряд ли он когда-нибудь встанет на ноги. Но Сергей был не из тех, кто легко сдается. Удары судьбы он воспринимал с завидным хладнокровием и верил, что справится со своей болезнью. Еще когда он находился в больнице, у нас состоялся серьезный разговор. Сережа спокойно, без намека на драматизм, сказал, что освобождает меня от каких бы то ни было обязательств. В создавшейся ситуации он с пониманием отнесется к тому, что я откажусь выйти за него замуж. Разумеется, я ничего об этом слышать не хотела. Он улыбнулся, поцеловал меня и заявил, что никогда во мне не сомневался.

Илья в этот тяжелый для нас период показал себя настоящим другом. Каждый день навещал Сергея и поддерживал меня. Они с Сонькой всегда были рядом. Тот день, когда вра-

чи вынесли Сергею приговор, я помню очень хорошо. Его мать позвонила мне, мы встретились, и она очень сухо сообщила о разговоре с лечащим врачом. Я повторила ей то, что ранее уже сказала Сергею: что бы с ним ни произошло, я буду рядом и никогда его не оставляю.

– Деточка, – вздохнула она. – Надеюсь, ты понимаешь, на что обрекаешь себя. Тебе всего двадцать лет, впереди долгая жизнь, я не хочу, чтобы ты когда-нибудь пожалела о своем благородстве.

Я резко ответила, что дело вовсе не в благородстве, я люблю Сергея и хочу быть с ним.

Не знаю, поверила она мне или нет. После этого разговора чувствовала я себя очень скверно. Мысль о том, что сильный, жизнерадостный парень навсегда останется инвалидом, не укладывалась в голове. Это было чудовищно несправедливо. Сергей не заслуживал такой судьбы. В отчаянии я искала поддержки у своих друзей, мне надо было услышать, что вердикт врачей – это только слова, надежда всегда есть, Сергей справится. Именно это и сказал Илья, когда мы встретились вечером. Я рыдала на его плече, а он утешал меня как мог. Кончилось это тем, что мы оказались в одной постели. Я поспешила списать все на минутную слабость и поскорее забыть о том, что произошло. Мне казалось, Илья все поймет правильно. Но он повел себя неожиданно. Сказал, что давно любит меня и только дружба с Сергеем вынуждала его молчать, и еще уверенность в моем чувстве к его

другу, но теперь он в моих чувствах к нему очень сомневается. Я ответила, что мой вчерашний поступок ошибка, которая никогда не повторится, и мое единственное желание – поскорее все забыть. Но это было проще сказать, чем сделать. Стыд и презрение к себе не давали мне покоя. И, разговаривая с Сергеем, я отводила глаза, замолкала на середине фразы, вздрагивала, когда он касался меня.

Мне хотелось выть от боли, все рассказать ему, объяснить, попросить прощения, но я знала, что никогда этого не сделаю, боясь причинить ему ненужную боль. Занятая своими страданиями, я даже не подумала ни разу, что мое поведение он мог истолковать по-своему.

Илья между тем проявлял настойчивость и все чаще повторял, что я приношу себя в добровольную жертву. И если бы Сергей был здоров, я бы вела себя совершенно иначе и сделала бы то, что и должна сделать: честно призналась, что больше не люблю его. Слова Ильи вызвали у меня приступ бешенства, потому что я-то знала: все не так.

В ту пятницу я приехала к Сергею, он встретил меня улыбкой, я что-то болтала, по обыкновению, вдруг он взял меня за руку и произнес:

- Илья мне все рассказал.
- Что «все»? – опешила я.
- О ваших отношениях. Мне следовало самому догадаться.
- Нет никаких отношений, – отрезала я. – Нет и быть не

может. Не знаю, что он тебе наговорил...

– Правду, – улыбнулся Сергей. – Илья не способен врать. Если хочешь знать мое мнение, он поступил правильно, все мне рассказав. Аня, я прекрасно понимаю, почему ты сейчас все отрицаешь. Ты хороший человек, ты боишься сделать мне больно, возможно, тебе даже кажется, что это вроде предательства. Только это глупость. Меньше всего на свете я хочу видеть близких мне людей несчастными. Знать, что ты страдаешь из-за ложно понятого чувства долга.

Тут меня прорвало, и я скороговоркой выпалила все, что думала: никакая я не благородная натура, а обыкновенная дура, слабая, беспомощная, которая при первых трудностях умудрилась сделать большую глупость, искать утешение в постели старого приятеля. В результате потеряла друга и едва не потеряла любовь. Клялась, что мне в голову не приходило относиться к Илье иначе чем к другу, а сейчас я его попросту терпеть не могу, хотя следовало бы не его винить, а себя. И того, что я пережила за эту неделю, с лихвой хватит, чтобы впредь таких глупостей не совершать.

Сергей все выслушал, кивнул и охотно меня простил. Мы обнялись и договорились, что на следующей неделе подадим заявление. А ночью он вскрыл себе вены. Истинную причину его поступка знали только мы с Ильей. Родители и вслед за ними друзья и близкие решили: Сергей покончил с собой, потому что мысль о том, что он на всю жизнь останется инвалидом, была для него непереносима. Но я-то хорошо

его знала и была уверена: он принес ту самую благородную жертву, от которой отговаривал меня. Убил себя ради счастья тех, кто был ему дорог, ради их любви, которой не было и в помине.

Хотя могла быть еще одна причина: для него мысль о моем предательстве стала непереносимой. В любом случае в его внезапном уходе была виновата я. Что мне оставалось? Резать вены. Это я и сделала. Но папа был начеку, и вместо кладбища я отправилась в больницу, пролежала месяц в психушке, где мозги мне малость вправили. Теперь, по прошествии лет, я на многое стала смотреть иначе, но одно знала точно: глупость может стоить очень дорого. Ладно, если только тебе. К сожалению, чаще всего тем, кого ты любишь.

Со времени похорон Сергея мы с Ильей не общались, я всячески избегала встреч с ним и слышать о нем ничего не хотела. Ни Сонькины уговоры, ни доводы отца не помогали. Не подозревая о том, что тогда произошло в действительности, они считали: я обвиняю Илью в произошедшей аварии, раз он тогда был за рулем. Это было все-таки лучше, чем правда. Не Илью я презирала и ненавидела, а себя. Он был постоянным напоминанием о моей подлости, которая стоила человеку жизни.

От Соньки я знала: Илья открыл собственное дело, которое, по ее словам, процветает. Надеюсь, его совесть не мучает. Впрочем, это вряд ли, если верить Ирине. Неужели она действительно прочитала его мысли? Бред. Выходит, она ка-

ким-то образом узнала? От кого? Самый простой ответ: от самого Ильи. Я вздохнула и посоветовала себе поскорее заснуть.

Утром меня разбудила Сонька. Она очень деятельная особа и вскакивает ни свет ни заря, я же из тех, кто любит поваляться в постели, так что ее возня по утрам вызывает у меня живейший протест.

– Чего ты вскочила в такую рань? – буркнула я, наблюдая ее перемещения по моей спальне.

– Так всю жизнь проспипь, – скривилась она. – Мне сегодня всю ночь кошмары снились, ожившие мертвецы и прочие прелести. Просто наказание. Вид трупа дурно на меня действует. Интересно, убийцу найдут, как ты думаешь?

– Я не могу думать в семь часов утра.

– Кстати, где крем, который я вчера купила?

– В пакете, пакет в багажнике, ключи от машины на тумбочке, машина в гараже.

Она схватила ключи и вышла из комнаты, я подумала, что минут пятнадцать у меня есть, чтобы понежиться в постели и встретить новый день с оптимизмом.

Но очень скоро мне стало ясно: насчет оптимизма я дала маху, новый день начался с подарка, только был он не из тех, о которых мечтают девушки. Внизу хлопнула дверь, потом затопали по лестнице, и через мгновение в комнату влетела Сонька с совершенно безумной физиономией. Ладонки

сцеплены на груди, точно у кающейся Магдалины.

– Нюся, я сейчас умру, – предупредила она и рухнула на постель.

– Что так? – спросила я. – Если пакета нет в багажнике, поищи в машине, хотя я точно помню, что положила его в багажник.

– Нюсечка, какой пакет... до него ли мне сейчас. Может, у меня глюки? Как я выгляжу?

– Паршиво, – приподнимаясь, заметила я, наблюдая бледную физиономию подруги.

– Чему удивляться, – вздохнула она. – Дядечка в твоём багажнике... Зачем он туда забрался?

– Какой дядечка? – растерялась я. – Ты что, в самом деле спятила?

– Не знаю, Нюся, по-моему, он неживой.

Я вскочила, набросила халат, не зная, что и думать. Может, Сонька и правда спятила?

– Идем, – позвала я.

– Пусть лучше дядя Боря посмотрит. У него-то нервы покрепче, он мужчина.

Я кубарем скатилась с лестницы, Сонька за мной, но в гараж она не вошла, паслась возле двери, а я напрямик направилась к своей машине. Крышка багажника была поднята. Я подошла, заглянула и ошалело замерла. В багажнике, скрючившись, лицом вниз лежал мужчина, прикрытый пиджаком. В припадке отваги я потянула пиджак на себя и взвизг-

нула. Состояние подруги стало мне вполне понятно.

На мужчине были рубашка и брюки, точнее, то, что от них осталось, одежда разрезана на лоскуты, и, к сожалению, не только одежда. Он сам напоминал лоскутное одеяло. Кровяные полосы перемежались с серовато-бледной кожей.

– Папа! – заорала я, боясь, что рухну в обморок. Отец влетел в гараж, ненароком толкнув мечущуюся у дверей Соньку.

– Что случилось? – испуганно спросил он. Я молча ткнула пальцем в багажник, отец подошел и произнес нараспев: – Твою мать... Откуда это? – Я только глазами хлопнула. – О, черт, – пробормотал он. – Марш из гаража. Принеси мне телефон.

– Папа, я ничего не понимаю.

– Принеси телефон, – повторил он.

За телефоном побежала Сонька. Папа обнял меня за плечи и вывел из гаража.

– Когда ты в последний раз заглядывала в багажник? – спросил он. В голове все путалось, но я понимала, что надо взять себя в руки, и попыталась дышать ровнее, а главное, начала соображать.

– Вчера вечером, когда мы с Сонькой ездили в торговый центр.

– Боже мой, и с этим ты разъезжала по городу...

Тут мне вторично стало нехорошо. Неизвестно, как долго этот изрезанный лежит в моем багажнике, а если бы милиция нас остановила?

Мысль о милиции прочно угнездилась в моем сознании, я была уверена, что отец собирается им звонить, но, когда Сонька вернулась с телефоном, папа набрал номер, и я услышала:

– Вадим, возьми двоих надежных ребят и ко мне. Что случилось? Черт знает что... поторопись.

Вадим приехал через двадцать минут, в это время мы сидели в кухне, Сонька и я пили валерьянку, папа коньяк. То ли нервы у него действительно куда крепче, то ли коньяк успокаивает лучше, но к приезду Вадима отец выглядел внешне спокойным, правда, брови хмурил и рот сурово сжал. Я хотела спросить, почему он не звонит в милицию, но не решилась.

В дом Вадим вошел один, как выяснилось позднее, двое парней, что приехали с ним, остались ждать в машине.

– Взгляни, какой подарок в багажнике дочери, – сказал ему отец, и оба пошли в гараж.

Мы с Сонькой переглянулись и отправились следом, правда, в гараж войти не решились. Вадим заглянул в багажник и присвистнул. Надо сказать, он относился к той категории людей, удивить которых, казалось, невозможно. Невысокий, коренастый, на вид старше своих тридцати пяти лет, он взирал на мир так, словно каждую минуту готовился к какой-нибудь пакости судьбы. И судьба на пакости не скупилась. По крайней мере, он не раз меня в этом уверял. Теперь я была склонна с ним согласиться.

– Покойничек, – философски изрек он. – Давно лежит?

– Вчера в шесть часов его еще не было, – подала голос Сонька.

– Скорее всего, примерно в это время он и скончался, – кивнул Вадим и перевернул покойника. К счастью, отсюда труп я не видела. – Его резали на куски, а потом пристрелили. Две пули, нет, три, вот здесь, видите?

– Да черт с ними, с пулями, что он делает в машине моей дочери? – спросил отец.

– Вы ведь не ожидаете, что я сразу отвечу на этот вопрос? Будем разбираться... А рожа-то знакомая... – Вадим нахмурился, разглядывая покойника, потом перевел взгляд на отца. – Физиономии тоже досталось, но узнать можно.

– Кто это? – озадаченно спросил папа.

– Крайнов Петр Алексеевич. Бывший мент, год уже как на пенсии, на момент своей кончины числился в бизнесменах.

– И что, это как-то объясняет его появление здесь?

– Скорее запутывает. Впрочем, это подождет. Сейчас надо принять принципиальное решение. Звоним ментам?

– Речь идет о моей дочери! – резко сказал отец.

– Понятно. Значит, своими силами справимся. Труп ребята вывезут, машину почистят.

– Папа, – подала я голос и нарвалась.

– Замолчи. Я не уверен... – добавил отец со вздохом, глядя на Вадима.

– Неприятности девушкам ни к чему, а тут бывший мент.

Есть еще кое-что, делающее ситуацию откровенно дерьмовой. Боюсь, это послание.

– Послание? – опешил отец.

– Давайте об этом чуть позже.

На лице папы появилась некоторая растерянность. Вадим отправился за своими ребятами, мы с отцом вернулись в кухню. Он выпил еще коньяка, а мы с Сонькой хряпнули валерьянки.

Я слышала, как открылись ворота гаража, как заработал двигатель машины.

– Папа, – начала я решительно, но он вновь меня перебил:

– Я твой отец и обязан тебя защищать. Я знаю, что делаю.

Я в этом сомневалась, ведь пять минут назад он сам сказал, что не уверен. Но спорить не рискнула. Выглянув в окно, я увидела, как из гаража выезжает джип, на котором приехал Вадим. Значит, труп перегрузили. Тут и Вадим появился.

– Куда его? – буркнул отец.

– Устроят где-нибудь неподалеку, чтоб менты поскорее нашли. Когда парни вернутся, займутся Аниной машиной. Ну что, девушки, рассказывайте, как провели вчерашний вечер.

– Подожди, – вновь заговорил отец. – Ты сказал, это послание...

– Сказал. Я так понимаю, ситуация сейчас не простая...

– А когда она была простой? – хмыкнул отец.

– Вот-вот. Ваши конкуренты решили подкатить с другого

боку: будучи заняты проблемами дочери, вам станет просто не до них.

– Не могу поверить, что они способны на такое. И при чем здесь бывший мент? Абсурд какой-то. Я его даже никогда не видел. Живым, я имею в виду, и моя дочь тоже.

– Должно быть, мент им чем-то насолил, заодно они решились и вам напакостить. Мент, кстати, мутный. Слух прошел, что на пенсию он отправился не с пустыми руками. Вроде бы к нему попали очень важные бумажки с именами тех, кто из местной криминальной верхушки сотрудничал с ментами. Сами понимаете, есть люди, которым ни к чему, чтобы эти сведения стали всеобщим достоянием. Этого одинаково не хотят ни менты, ни те, кто на них работает. Вспомните, что происходило в городе четыре года назад, и вам все станет ясно.

Мне ничего ясно не стало, ведь я знать не знала, что тогда происходило, по мне, так ничего особенного, но папа, должно быть, был в курсе, потому что молча кивнул.

– Ну, вот, дядю и оприходовали. Судя по тому, как он выглядит, от него чего-то хотели. Логично предположить, те самые имена их и интересовали.

– Кого – их?

– Опять же, логично предположить, тех из братвы, кто еще на воле гуляет.

– С братвой я дел не имею, и при чем здесь моя дочь?

Вадим пожал плечами. Как видно, не на все вопросы он

знал ответ. Повернулся к нам и сказал:

– Слушаю вас, девушки.

И мы начали пересказ вчерашних приключений, говорила в основном я, Сонька иногда что-то уточняла. Находка на нее так подействовала, что она до сих пор сидела будто пришибленная.

– Значит, машина стояла возле ресторана? И не перед входом, а сбоку от здания в самом конце стоянки, где довольно темно? Там, скорее всего, труп и подкинули. Парней, что за вами увязались, вполне мог интересовать именно труп, а вовсе не ваш предполагаемый спутник. Открыли бы багажник, вызвали милицию... Хотя этот Михаил тоже темная лошадка. Глаза разные? Примета будь здоров, такого вряд ли с кем спутаешь. По этой причине носит темные очки, но вам почему-то глаза показал. Еще что-нибудь о нем можете рассказать?

Я пожала плечами, а Сонька вздохнула:

– Двухметровый красавец в дорогом костюме. Просто картинка из журнала.

Вадим нахмурился:

– Картинка? И назвался Михаилом? В доме ведь есть компьютер?

– Конечно.

– Идемте посмотрим, может, найти вашего Михаила будет не очень сложно.

– Ты кого-то подозреваешь? – спросил отец, направляясь

в кабинет.

– Версия фантастическая, но чем черт не шутит.

Через пять минут мы уже были возле компьютера. Вадим занял кресло отца, его пальцы заскользили по клавиатуре. Вскоре на экране появились изображения. Одна фотография, другая, они сменяли друг друга так быстро, что взгляд не успевал сфокусироваться. Наконец Вадим удовлетворенно кивнул и вызвал на экран фотографию, максимально ее увеличив.

На стуле в небрежной позе сидел наш недавний знакомец, в щегольском двубортном костюме в тонкую полоску, в белоснежной рубашке без галстука и лакированных туфлях. Волосы зачесаны назад, глаза скрывают очки, очень узкие, делавшие его лицо особенно хищным. Небрежная поза, шикарная улыбка. Парень был так хорош, что казалось невыносимым поверить, что такие, как он, запросто разгуливают по нашему городу. Хотя по-прежнему оставалось одно «но»: несмотря на щеголеватый вид, от него за версту несло неприятностями. В общем, передо мной был типичный городской хищник: жесткий, агрессивный, сексуальный.

– Это он, – пискнула Сонька и с трудом перевела дух. От эстетического шока, я полагаю.

– Уверены? – повернулся к нам Вадим.

– На все сто, – ответила я. – Если у него нет брата-близнеца.

– Братьев нет, так же как и сестер. И с глазами у него, по-

моему, полный порядок.

Он вызвал на экран следующую фотографию. На ней Михаил был запечатлен на улице, входил в подъезд дома, обернулся и в этот момент попал в объектив фотоаппарата. На сей раз без очков, и на фото было отчетливо видно, что глаза у него карие. Затем появилась третья фотография, на ней Михаил в обществе красавицы-брюнетки сидел за столом, опять же без очков, глаза отливали небесной синью.

– Хамелеон какой-то, – пробормотала Сонька.

– Линзы, – сказала я. – Он меняет цвет глаз по своему усмотрению.

– С синими он так хорош, что оторопь берет, – развила тему Соньку. – А с карими вылитый змей-искуситель.

Вадим смотрел на экран с усмешкой, предпочитая помалкивать, зато папа решил вмешаться.

– Кто этот тип? – недовольно спросил он.

– Михаил Володин. Кличка Мигель. Редкая сволочь и садист. Торговля наркотиками, проституция и прочее. Кстати, очень любит баловаться ножичком. Так что труп в вашем багажнике вполне мог появиться с его подачи, резать на куски человека как раз в его стиле.

– Подожди, – заговорил отец. – Какое отношение к моей дочери может иметь какой-то бандит? Откуда он вообще взялся?

– В этом-то вся загвоздка. Он никак не может находиться в городе. Парень тут много чего успел наворотить, и дол-

гое время ему это сходило с рук. Но год назад его малость прижали, то есть наш красавец прокололся, и у ментов наконец-то появился повод взять его за жабры. Не дожидаясь счастливого свидания с прокурором, он смылся и, по слухам, обретается в Лондоне. Являться сюда, находясь в розыске, глупо. Правда, он очень наглая сволочь. И в отваге ему не откажешь, а еще в звериной хитрости. По общему мнению, парень совершенно безбашенный. Но чтобы вернуться, нужен очень серьезный повод. Допустим, он сильно разозлился, оттого что ему пришлось свернуть бизнес в этом городе, и решил наказать обидчиков. Тех самых, кто сдал его ментам. Сдал его, кстати, кто-то из своих. Это делает мою мысль о его причастности к трупу в багажнике вполне вероятной. Мигель решил узнать, кто его предал, оттого Крайнову и пришлось несладко. Неясно, правда, почему предполагаемый предатель вдруг заинтересовал его именно сейчас. Хотя есть еще догадка. Некто Рыжак Степан Петрович, дядя авторитетный, в настоящее время лежит в больнице. Говорят, жить ему осталось всего ничего. Так вот, в свое время Рыжак Мигелю очень помог, говорят, их связывает большая дружба. Особо осведомленные утверждают, что Мигель ему вроде сына. А почтительный сын с папашей обязан проститься. Хотя сам я сильно сомневаюсь, что этот тип способен на человеческие чувства. Так что остается лишь гадать, что ему здесь понадобилось.

– Надо же, – заметила Сонька удрученно. – А я в него по-

чти влюбилась. Вот уж правду говорят, внешность обманчива. Ему б каждый год хватать по Оскару, а он какой-то наркобарон. Совсем люди себя не ценят.

Вадим усмехнулся.

– Откуда такая кличка? – задала я вопрос, продолжая разглядывать красавца-наркобарона.

– Ну, это понятно, – хмыкнула подружка. – На рожу его посмотри.

– Только этим и занята.

– Он же вылитый мачо.

– Он полукровка, – засмеялся Вадим. – Его отец кубинец. Учился в местном университете. Полюбил сокурсницу, она его. Потом любимый уехал на родину и забыл вернуться. Оттого у парня русские имя и фамилия. Через двадцать лет папаша одумался, приехал, и бывшая страсть вспыхнула с новой силой. В общем, хоть и поздно, влюбленные соединились и уехали на Кубу. Я думаю, мамаша попросту сбежала, сообразив, кого вырастила.

– Все это замечательно, – вернул нас к действительности отец. – Но мне хотелось бы знать, что этому типу нужно от моей дочери? Ко мне он тоже никаких претензий иметь не может, по крайней мере, я с трудом представляю, где и как наши интересы пересеклись.

– Девушки подобрали его на улице, так? – почесав за ухом, произнес Вадим.

– И труп при нем не было, – кивнула Сонька.

– Они отправились в ресторан.

– И этот Мигель пообещал нам подарок. Вот скотина.

– Если он был без машины, следовательно, находясь в ресторане, переложить в багажник труп никак не мог. Значит, либо сделал это позднее, что попросту невероятно, либо раньше. Вопрос «зачем» остается в силе.

– И что нам делать с этим типом? – отец кивнул на экран.

– С ним лучше ничего не делать, – покачал головой Вадим. – Анину машину ребята почистят, потом бросят где-нибудь в городе, а вы заявите, что ее угнали. И чем скорее, тем лучше. Это на тот случай, если кто-то решил вас в игре задействовать. А потом надо только ждать и быть готовыми к любому развитию событий.

– Черт, – в досаде буркнул отец.

– Борис Викторович, поверьте, это самое разумное, что мы можем сделать.

– Остаются еще парни на джипе, – недовольно напомнил отец.

– Ну, с этими более-менее ясно. Мигеля ищут не только менты, но и многочисленные недруги. Кто-то заметил его в ресторане и сообщил, кому считал нужным. То, что девочек видели в его компании, плохо, но не страшно. Охрану я им обеспечу. Для того чтобы не создавать лишних сложностей, им лучше держаться вместе и Соне, если вы не против, пожить здесь.

– Я не против, – затрясла головой Сонька. – В родную

квартиру мне совсем не хочется. Вот только бы вещички взять.

– Без проблем, – улыбнулся Вадим.

Через некоторое время вернулись его ребята, и моя машина отбыла в неизвестном направлении. Я посмотрела ей вслед с замиранием сердца и подумала: свидимся ли? Вадим, перед тем как уйти, сказал:

– Ментам сообщите, что поехали в торговый центр «Октябрьский», там парковка маленькая и всегда тачками забита. Вам надлежит прибыть туда через два часа. Машина будет стоять в переулке, но, как вы понимаете, недолго. Вы прогуляетесь по магазинам, потом позвоните ментам. Главное, место, где тачка стояла, хорошо запомните.

Я удрученно кивнула и закрыла за Вадимом дверь. Папа остался дома, ушел в кабинет и с кем-то разговаривал по телефону. Мы с Сонькой от безделья стали пить чай.

– Такой красавчик – и бандит, – печально заметила подруга. – Как думаешь, типы вроде него перевоспитанию подвержены?

– Ты его, что ли, перевоспитывать будешь?

– Я бы не против, – мечтательно закатив глазки, молвила она.

– Соня, ты дура.

– Я вот что думаю. Дядечку нам в багажник подсунули, пока мы в «Клеопатре» были. Этот самый Мигель и подсунул. Ага. Он был в зале. Просто мы его не заметили. И это

его мысли Эсмеральда прочитала.

– Божье наказание, – фыркнула я. – Такого парня и не заметить?

– Мы ж на сцену смотрели и знать не знали, что творится у нас за спиной. Ты старательно воротила нос от Ильи и голову даже не поворачивала. Я, кстати, тоже. Точно, Мигель был в зале. Или в коридоре. Эсмеральда прочитала мысли, но не знала, от кого они исходят, потому что его не видела.

– Чтение мыслей – это просто фокус.

– Ты не можешь знать наверняка. Хоть сто раз скажи, что я дура, все сходится.

Я задумалась. Поверить, что Эсмеральда прочитала чужие мысли, я по-прежнему была не в состоянии, а вот что-то увидеть или услышать – она вполне могла. Я ведь тоже слышала обрывок разговора, который после произошедшего убийства кажется мне подозрительным.

Допустим, Мигель действительно был там, и труп в багажнике его рук дело, и появился труп в тот момент, когда машина находилась на стоянке возле «Клеопатры». Эсмеральда что-то заметила и решила припугнуть убийцу? Дура она, что ли? Кто ее знает. А если она брякнула это для разогрева публики, и тот же Мигель решил, что она чего-то там увидела, и убил ее? Вот это вполне вероятно. Мигель избавляется от возможного свидетеля... От «Клеопатры» до того места, где мы его подобрали, не так уж далеко, напрямую, дворами, можно преодолеть это расстояние быстрым шагом минут за

пятнадцать. И он сел в машину, в которую подложил труп? Выходит, он просто идиот? Или в этом был какой-то смысл?

Смысл, хоть убей, не вырисовывался. Голова пухнет, а пользы никакой. А вот в подслушанном разговоре действительно что-то есть. Мужчина говорил тихо. О чем я подумала, услышав его голос? Это я сейчас фантазирую, или мысль о том, что голос знакомый, действительно мелькнула? Нет, фантазирую. По крайней мере, никаких ассоциаций голос у меня не вызвал.

– Ты чего бормочешь? – удивилась Сонька.

– Пойду-ка я в душ, – ответила я.

Через два часа папа отвез нас к торговому центру. Заглянув в переулок, мы увидели мою машину, но подходить к ней не стали, отправились по магазинам. Папа уехал, положившись на заверения Вадима, что за нами приглядывают. Черный «БМВ» сопровождал нас до торгового центра и теперь пристроился неподалеку. Один из ребят Вадима шел за нами следом, это вселяло определенный оптимизм. В тот день магазины нас интересовали мало, Сонька предложила зайти в кафе, и тут мне позвонили на мобильный. Я взглянула на дисплей. Номер скрыт, но я ответила, вспомнив о Глебе Сергеевиче, и услышала:

– Привет, милашка.

Всего-то два слова, но мне их хватило, чтобы понять, кто звонит. Однако спешить с узнаванием я не стала.

– Здравствуйте, – сказала растерянно.

– Утро расчудесное, – продолжил веселиться мой собеседник. – А как настроение?

– Отличное.

– Серьезно? Я думал, у тебя забот по горло.

– Слушайте, а вы кто? – насторожилась я.

В ответ хохотнули.

– Я обещал тебе вчера подарок.

– Михаил? Разве я давала вам свой номер телефона?

– Конечно, раз я звоню.

– Куда вы так стремительно исчезли? Нам с подругой вас ужас как не хватало.

Сонька вытаращила глаза, потом припала к моей руке, чтобы слышать, что говорит Мигель.

– Значит, подарок ты еще не видела? – поинтересовался он.

– Вы серьезно? Что за подарок?

– С ума сойти... загляни в багажник, детка.

– Прямо сейчас?

– А чего тянуть?

– Ладно. – К тому моменту парень, что нас сопровождал, тоже припал к моей руке и выглядел так, будто маялся зубной болью. – Иду к машине.

– Иди, радость моя, иди.

Я развернулась и в самом деле направилась к выходу, парень и Сонька жались ко мне с двух сторон, точно рыбы-при-

липалы. Прохожие то и дело на нас натыкались и смотрели с недоумением.

– Вы о подарке серьезно говорите? – щебетала я, добавив в голос сиропа.

– Конечно. Я честный парень.

– А как он в багажнике оказался?

– У меня масса талантов.

– А подарок большой?

– Килограммов на сто.

– Шутите?

– Вовсе нет. Сейчас увидишь.

В это время мы так ускорились, что успели покинуть торговый центр, свернули в переулок, и я завопила:

– Моя машина!..

– Твоя, твоя.

– Идиот, мою машину угнали. Мамочка... Соня, звони скорее в милицию.

Сонька потянулась к телефону, я покрутила пальцем у виска, и подружка тут же замерла «солдатиком».

– Что, в самом деле тачку угнали? – подал голос Мигель.

– Что же это делается, – верещала я, потом рывкнула: – Это ты называешь подарком, скотина?

– Эй, полегче, – сказал он и принялся хохотать. – Ну, дела... впрочем, так даже лучше.

– Да пошел ты...

– Деточка, как бы весело тебе сейчас ни было, тому, кто

угнал твою тачку, будет еще веселей. – Он вновь захохотал, потом пошли гудки.

– Я не поняла, он что, у нас тачку угнал? – пролепетала Сонька и уставилась на нашего телохранителя. Тот моргнул и задумался.

– Кто звонил? – наконец произнес он.

– Если бы мы утром сообщили о встрече с Мигелем в милицию, они могли бы засечь его по мобильному и арестовать, – с величайшим сожалением подумала я вслух. – И нам бы подарили именные часы с кукушкой.

– Зачем тебе часы с кукушкой? – удивилась Сонька, а телохранитель спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.